

Татьяна БУЛАТОВА

*Не девушка,
а крем-брюле*

Татьяна Булатова написала роман, в котором ничем важным для себя не поступилась. Он похож на глубокую полноводную реку. Подлинность его безусловна.

Ирина Муравьёва

Татьяна Булатова

Не девушка, а крем-брюле

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951489
Не девушка, а крем-брюле: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83807-3*

Аннотация

Все девочки верят в Прекрасного Принца. Потом они вырастают и понимают, что принцы бывают только в сказках. Но Василиса, которую жестокие одноклассники дразнили Периной, точно знала, что принцы существуют. Ее, во всяком случае, Принц ждет и непременно дождетсЯ, ведь он обещал, что, когда она вырастет, он обязательно ее найдет и женится на ней. У этого Принца не было белого коня, белого плаща и прочих атрибутов сказочного героя. Но парень в спортивной майке был таким обаятельным и говорил так уверенно, что Василиса ему поверила.

Шли годы. Подружки выходили замуж, рожали детей, влюблялись и расставались, а Василиса просто спокойно жила, не сомневаясь, что каждый прожитый день – шаг навстречу к нему.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

93

Татьяна Булатова

Не девушка, а крем-брюле

© Федорова Т. Н., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

В то, что судьба существует, Василиса верила безоговорочно. Потому что ничем другим объяснить то, что произошло с ней, просто невозможно. Откуда бы тогда взялись солнечный полдень, пустой трамвай и веселый длинноволосый парень в белой футболке с надписью «Спартак»? «По-моему, была еще мама», – вспоминала Василиса и с усердием сдвигала свои бесцветные брови.

– Альбинос? – с сочувствием спрашивали ее родителей.

– Сами вы альбинос! – обижались они и от всего сердца хватили дочь за руку, чтобы не исчезла в воздухе, вся такая беленькая. И только тот веселый и длинноволосый из пустого трамвая, катившего в солнечном полдне, произнес, расплывшись в щедрой улыбке, неопишущее по своей красоте и загадочности слово «КРЕМ-БРЮЛЕ».

От счастья девочка ткнулась белой головой в цветастый материнский бок и замерла.

– Стесняется, – объяснила Василисина мама и пошла

красными пятнами от радостного волнения, потому что впервые никакой не альбинос, а благородное крем-брюле.

– Эх! – признался длинноволосый. – Жалко, маленькая! А то бы женился!

– Я не маленькая, – пробурчала Василиса и выглянула из укрытия.

– Маленькая, – вмешалась мама и безуспешно попыталась усадить дочь на лакированное красное сиденье.

– А она вырастет, – вступился за будущую невесту длинноволосый и, присев на корточки, взял девочку за пухлую влажную ручку.

– Рости быстрее, крем-брюле! – всерьез попросил он Василису. – А потом я тебя найду и женюсь. Ладно?

– Ладно, – шепотом пообещала девочка и подняла глаза.

– Вот и договорились, – улыбнулся попутчик и, поцеловав Василису в макушку, выскользнул в разъехавшиеся со скрипом трамвайные двери на следующей остановке.

– Ушел, – чуть не заплакала девочка и забралась с ногами на красное пышущее жаром сиденье.

– Опусть ноги, – буднично произнесла мама и, не проверив, прислушалась ли дочь к замечанию, стала смотреть в окно и думать про свою личную жизнь с грустью. Ей было уже тридцать пять лет, муж любил ее раз в неделю, по субботам, и даже иногда обещал сводить в театр. Но как только наступало воскресенье, он благополучно забывал об этом. Не до того: впереди рабочая неделя, нужно отдохнуть. И уж

точно не в театре, а по-простому, как привыкли, у телевизора или на природе, с удочкой.

– Не выходи замуж, Васька, – в сердцах посоветовала она дочери и чуть не заплакала от обиды.

– Почему? – удивилась та, пытаясь разглядеть за мутным трамвайным окном своего нареченного. И мать не нашлась, что ответить. И ушла в другой конец вагона, чтобы посидеть в одиночестве и подумать о жизни. Так они и ехали еще две остановки отдельно друг от друга, мать и дочь, залитые солнцем, в лучах которого плавала серебристая пыльная взвесь.

А потом на рыночной площади в вагон вошли пассажиры. Много пассажиров. Набились, как цветные карандаши в узкий пенал. И особо нервные с осуждением смотрели на сидевшую у окна на отдельном красном сиденье белую девочку, похожую на альбиноса. И мать быстро почувствовала негодование пассажиров в адрес дочери и пробралась к своему сокровищу, чтобы закрыть его от недоброжелательных глаз цветастой спиной. Так они и протомились, сросшись телами, еще пять длинных остановок, чтобы потом вместе выйти в измученный летней жарой мир, посреди которого сиротливо торчал киоск с надписью «МОРОЖЕНОЕ».

– Хочешь? – вяло предложила Василисе мама, прижимая к груди сплетенную из искусственной оранжевой соломки сумочку.

– Хочу, – вяло ответила девочка.

– Пломбир или крем-брюле? – поинтересовалась из око-

шечка продавщица, хлопнув целлулоидными веками, покрытыми плотным слоем синих, под цвет киоска, теней.

Услышав заветное «или крем-брюле», Василиса с мольбой посмотрела на утомленную мать и чуть слышно произнесла:

– Крем-брюле.

– А мне – шоколадное, – высказала свое пожелание грустная мама, и ее тут же обдало жаркой волной возмущения.

– Или пломбир, – пронзила ее продавщица гневным взглядом, – или крем-брюле!

– Тогда – пломбир, – послушно согласилась Василисина мама и достала из плетеной сумочки точно такой же плетеный кошелечек.

– Макраме? – поинтересовалась продавщица и сначала протянула Василисе обещанное крем-брюле.

– Наверное, – проямлила не посвященная в тайны ремесла мама.

– Нате, – продавщица, моментально потеряв интерес, выдала сдачу и положила на растрескавшуюся тарелку завернутый в специальную бумажку пломбир.

– Спасибо, – еле выговорила Василисина мама и через пару шагов выбросила мороженое в урну.

– Надо было брать крем-брюле, – девочка с наслаждением лизнула замороженный «гриб», отчего на шляпке осталась бежевая лакированная полоса. – Вкусно!

– Вот и хорошо, – печально вздохнула мама и стала смот-

реть в зеленую даль аллеи: все лавочки были заняты.

И тогда Василиса забежала вперед и протянула матери оплывающий на жаре гриб:

– Хочешь?

– Нет.

– Крем-брюле, – продолжала соблазнять Василиса, в упор глядя на цветастый материнский живот.

– Идем, крем-брюле, – улыбнулась дочери тогда еще молодая женщина и стремительно зашагала в сторону проглядывавших сквозь пыльную летнюю зелень новостроек.

И Василиса вприпрыжку побежала за ней, на ходу облизывая свой драгоценный «гриб», катастрофически уменьшающийся в размерах. Правда, по пути она еще несколько раз останавливалась, как только ее взгляд натыкался на кого-то, кто внешне напоминал ей того длинноволосого в футболке. И хотя сердце ее предательски екало, проваливаясь в живот, наполненный сладостью, Василиса тем не менее мужественно переносила свои маленькие разочарования, потому что была умной девочкой и точно знала: от судьбы не уйдешь. Именно поэтому она с наслаждением доела мороженое и, преисполнившись лучших предчувствий, помчалась догонять мать, дав себе слово хранить верность возлюбленному из залитого солнцем трамвая.

С того незапамятного летнего дня верность стала отличительной чертой характера Василисы Ладовой. Она была вер-

на родителям, музыкальным кумирам, нескольким киноактерам и будущей профессии, выбор которой состоялся сразу же, как только выяснилось, что крем-брюле – это знаменитый десерт, а не только название мороженого или зефира.

– Кем ты хочешь стать? – снисходительно интересовались взрослые, заранее зная примерный перечень ответов: «врачом», «учителем», «певицей» и т. д. И никто из них не был готов к тому, что изрекала пухлая белоголовая второклассница Василиса Ладова, светло-серые глаза которой смотрели на мир серьезно и строго.

– Кем-кем? – переспрашивали взрослые и бросали беспомощные взгляды на родителей Василисы.

– Кондитером, – терпеливо повторяла она бестолковым взрослым и представляла, как запишет в заповедный лакированный блокнот очередной кулинарный рецепт.

В этот момент в воздухе всегда висела неловкая пауза, потому что взрослые, как по команде, замирали. Слово «кондитер» в их консервативном сознании рождало стремительный поток вызывающих интенсивное слюноотделение образов, в результате чего перед глазами всплывало натуралистичное изображение трехэтажного торта, увенчанного огромной масляной розой, вокруг которой причудливо завивались белые кремевые вензеля.

«Сладкая женщина!» – многозначительно улыбаясь, перешептывались родительские гости и непритворно ахали, когда повзрослевшая Василиса на вытянутых руках вноси-

ла в комнату очередное произведение кондитерского искусства, призванное стать украшением стола.

– Быть тебе поваром, Васька! – гордо кричал отец, а мать строго исправляла главу семейства:

– Не поваром, Юра, а кондитером.

– Какая, хрен, разница, Галя! – пожимал плечами растроганный папаша и тянул к дочери масляные губы. – Дай поцелую!

Василиса, смущаясь, подставляла отцу щеку и торопилась оставить взрослых наедине со своим рукотворным сооружением.

Поступательное движение Василисы Ладовой к кондитерскому олимпу способствовало тому, что в ее родственно-дружеском окружении сформировалось стойкое убеждение: лучший подарок для полной девушки с белыми бровями – это книга о вкусной и здоровой пище или что-нибудь «сладенькое»: торт, конфеты, пирожные. Василиса к такому положению дел привыкла и с легкомысленным пристрастием продолжала пробовать на вкус все, что приносилось на алтарь будущей профессии, мечта о которой вдребезги разбилась о камни суровой действительности.

– Значит, судьба! – потупившись, сделала вывод Галина Семеновна Ладова, когда ее дочь Василиса в подарок на шестнадцатилетие получила два торта от друзей семьи, два – от бестактных родственников и один – от равнодушных к ее судьбе одноклассников. Итого – пять.

– Что ты будешь с ними делать? – неосознанно подлила масла в огонь Василисина мама и застыла возле косяка, внимательно наблюдая за дочерью.

– А что с ними делать? – искренне удивился добродушный отец семейства и достал ложку, чтобы отведать даров.

– Что, Юра, все пять? – уточнила его супруга и чуть не расплакалась, почувствовав, как сжалось от обиды нежное сердце ее дочери.

– Нет, Галя, пять не смогу, – отказался Юрий Васильевич и воткнул ложку в один из тортов. – Может, соседям раздать? Или на работу? Чё добро пропадать будет?

– Не надо, – всхлипнула обычно сдержанная именинница и, распахнув окно, один за другим выбросила с третьего этажа все пять тортов, даже не удосужившись вынуть из самого маленького мельхиоровую ложку.

– Васька! – всплеснула руками мать и попыталась обнять значительно превосходящую размерами дочку, но не успела, та спешно ретировалась в комнату, где проревела полночи. Утром к родителям вышел совсем другой человек. Настолько другой, что Галина Семеновна на секунду поверила в переселение душ, ибо перед ней предстала ее собственная, уже покойная, учительница начальных классов по имени Нонна Сергеевна и строго сказала: «Все, хватит. Будем менять профессию. Будем менять жизнь. В конце-то концов, человек – сам кузнец своего счастья». – «Так точно!» – по-военному рывкнул Юрий Васильевич Ладов, напуганный произошед-

шими в дочери переменами.

– Буду врачом, – сообщила родителям Василиса. – Психиатром, – она на секунду задумалась, а потом добавила: – Или диетологом.

Галина Семеновна хотела было спросить про кондитера, но, смущенная мистическим присутствием духа первой учительницы, промолчала.

В школе известие о том, что Василиса Ладова предала профессию кондитера, было встречено без энтузиазма.

– Ты что, Ладова?! – возмутилась классная руководительница, учительница русского языка и литературы, и, облизнув губы, зашипела: – С ума сошла? За месяц до экзаменов! Мы уже все десятки укомплектовали. Мест больше нет. Ищи другую школу.

– Я не хочу другую, – отказалась Василиса и посмотрела классной руководительнице, по прозвищу Ежиха, прямо в колючие маленькие глазки, сверкавшие из-под мохнатых с проседью бровей.

– Мало ли, ты не хочешь! Раньше надо было думать! Писала в анкете кулинарный техникум?

– Писала, – эхом отозвалась ученица.

– Вот и иди. Зря мы, что ли, тебе всей школой пятерки рисовали? Выучишься – свой цех откроешь, а то и два.

– Да она и три откроет, с вашей помощью, Лариса Михайловна, – подала голос отличница Хазова, борец за справед-

ливость во всем мире, гроза учителей и головная боль директора.

– А ты, Юля, не вмешивайся! Без тебя как-нибудь разберемся, – заворчала усатая литераторша и попыталась свернуть этот неприятный разговор. Но Василиса (непонятно, откуда смелость взялась) нависла над ней, тщедушной и хрупкой женщиной со слабыми костями, и проговорила так же членораздельно, как говорят учителя начальной школы, когда диктуют первоклашкам их первый в жизни диктант из двух предложений:

– А вы не можете запретить мне подать документы в десятый класс, я узнавала.

– Тебе виднее! – недобро усмехнулась и поджала узкие, но ярко накрашенные губы.

– Между прочим, Ладова – по микрорайону, – встряла правозащитница Хазова и, дерзко встряхнув челкой на поллица, дала необходимые рекомендации: – Скажи родителям, – роль адвоката Юльке явно нравилась, – пусть сами идут к директору или в районо. Время социалистического насилия ушло в прошлое. У нас, Лариса Михайловна, демократия и гласность, – напомнила отличница. – Девяносто третий год на дворе. Плюрализм и все такое прочее.

– К сожалению, – фыркнула классная руководительница, подумав, что отмена крепостного права в России была непростительной ошибкой императора, и нарочито медленно отползла в сторону, держась за сердце.

– Смотри, Ладова, счас скажет: «Довели до сердечно-го приступа», – скривилась Хазова и, подмигнув Василисе, встала в проход между рядами. – Лариса Михайловна, вам плохо?

– Да, Юля, мне плохо. Мне очень плохо, потому что ты, гордость школы, гордость класса, моя личная гордость, победительница олимпиад, девочка из хорошей, я подчеркиваю, семьи, оскорбила меня до глубины души, – Ежиха капризно фыркнула и ткнула в грудь тоненькой лапкой с красными коготками.

– Это чем это я вас оскорбила? – искренне удивилась Хазова и в два прыжка догнала классную руководительницу, направившуюся к своему столу.

– А тем, Юлечка, что обвинила меня в предвзятом отношении к одной из наших учениц. А между прочим, это ведь моя любимая ученица. Воспитанная, добрая, уважительная девочка. – Лариса Михайловна заискивающе посмотрела в глаза удивленной Василисе, за которой уже выстроилась целая очередь из любопытствующих учеников, из-за перемены пропустивших начало спектакля.

– Да ладно! – усмехнулась Хазова и посторонилась, дав возможность оппонентам лицезреть друг друга.

– А что, ты не знала, Юля? – с горечью воскликнула склонная к театральным представлениям классная руководительница и провела рукой по воздуху, словно отодвигая в сторону ненужную преграду между собой и Ладовой. – И ты, Васи-

лиса, тоже не знала?! – Голос Ежихи взметнулся вверх, оборвался и обрушился на притихший класс возгласом изумления: – Ка-ак?! – Лариса Михайловна присела за парту, а потом вскочила и, воздев руки к потолку, неуклюже плюхнулась на голубое фанерное сиденье с выщербленным краем, отправившим в мусорное ведро не одну дюжину дефицитных капроновых колготок. – Столько лет ты сидела передо мной, на первой парте, на первом ряду, и ничего не чувствовала?! Ничего-ничего?!

Ладовой стало неловко: она шаркнула ногой, беспомощно взглянула на иронично сощурившуюся Хазову и сделала шаг назад.

– Все ясно, – задумчиво проронила Ежиха. – Надо уходить...

– Куда? – Вылез из-за Ладовой хулиган Вихарев, всерьез рассчитывавший на то, что сейчас классная руководительница потребует умирающим голосом таблетку валидола под язык и отменит урок литературы. – Домой?

– В медпункт, – ответила за Ежиху Хазова и направилась к учительскому столу, в верхнем ящике которого были свалены средства скорой помощи, активно используемые классной руководительницей по поводу и без.

– Не надо, Юля, – простонала Лариса Михайловна и поправила сползшую набок норковую горжетку, увенчанную мордочкой с зелеными бусинами вместо глаз. – Начнем урок, дети.

– Мы не дети! – заволновались девятиклассники, подавившиеся на провокацию Ежихи.

– Если бы... – легко поднялась она со стула и, оправив клетчатую юбку, загарцевала к своему месту. – Если бы...

– Лариса Михайловна! – строго окликнула Ежиху Хазова: – Так не делают.

– Садитесь, – объявила классная руководительница и, как щитом, прикрылась журналом успеваемости. – Сегодня мы будем писать сочинение на тему... – Ежиха обвела класс глазами и, вонзившись взглядом в Ладову, изрекла: – «Хороший человек – это...»

– Что «это»? – не понял тактического хода Вихарев и стукнул Василису по плечу: – Подвинься, Перина, ничё не видно!

– А чё ты там хочешь увидеть? – поинтересовалась Хазова и забралась с коленками на стул: на доске красовалась безупречная в плане каллиграфии надпись: «Двадцать пятое апреля».

– Можно выйти? – Василиса подняла руку и, не дожидаясь разрешения, спешно покинула класс.

– Отличное воспитание, – как бы себе под нос, но при этом достаточно громко, отметила Ежиха и обвела класс торжествующим взглядом: – Еще раз объясняю. Тема классного сочинения – «Хороший человек – это...».

– Что-о-о? – в один голос воскликнула половина класса.

– То-о-о! – прикрикнула Лариса Михайловна и, повизгивая в начале каждого предложения, стала объяснять, как пи-

сать сочинение. – В вашем сочинении три части.

– Вступление, основная, заключение, – подсказала Ежиха Хазова.

– Слушаем молча! – рывкнула классная руководительница и даже не повернула голову в сторону неблагонадежной парты, где сидели большой хулиган маленького роста Вихарев и чем-то похожая на него отличница Юля Хазова. – Во вступлении пишите, что хотите.

– Чё, правда? – подал голос въедливый Тюрин, сидевший на задней парте в компании крупной Наумовой, известной своей любовью к спорту. Деятельность интеллектуальная ей, как правило, не удавалась, поэтому за соседа она держалась крепко, так как именно в его голове зрели мысли, ей неведомые, а посему – бесценные.

– Правда, – отмахнулась от него Ежиха, а потом вспомнила, что тот из знаменитой на весь город учительской семьи, и вальяжно добавила: – Свободная тема предполагает творческий подход. Я – за творчество!

Хитрый Тюрин вступать в дебаты не стал и мелким бисерным почерком написал на черновике: «Любое вступление – это чушь собачья. Кто бы его ни написал. Аминь».

– Ничё не видно, – пожаловалась глупая Наумова, думая, что работа началась и необходимо перенести в свою тетрадь запись, сделанную Тюриным.

– Рано пока, – успокоил он разволновавшуюся соседку и приготовился слушать Ежиху.

– В основной части необходимо перечислить основные черты хорошего человека, а именно: доброту, уважение к старшим, благородство, любовь к родине, родителям, бабушкам, дедушкам, учителям. Воспитанность, – полетел камень в огород Ладовой. – И может быть, еще что-то. Откуда я знаю, чем ваш хороший человек отличается от моего?

– Ничем! – пискнула подлиза Кочевая и впилась преданным взглядом предателя в учительницу.

– Молодец, Кочевая Лиза, – оценила реплику с места Ежиха и продолжила: – А потом, дорогие мои, нужно подумать, какими чертами будет обладать плохой человек... Какими? – обратилась она к классу.

Класс молчал.

– Ну... – повела левой бровью Лариса Михайловна. – Можете вы мне сказать?

– Можем, – заверила ее Хазова. – Давайте дальше.

– Дальше, Юля, – пригрозила ей Ежиха, – я проверю твоё сочинение с особой тщательностью, дабы не было никаких неожиданностей из числа непредсказуемостей.

– А чем непредсказуемости отличаются от неожиданностей? – не выдержал интеллект Тюрин и задал очередной провокационный вопрос.

– Не умничай, Илья, – выразительно посмотрела на него Лариса Михайловна и вроде как для самоуспокоения с особой нежностью погладила свою горжетку.

– Не буду, – пообещал Тюрин и с тоской посмотрел на пу-

ствовавшее место Ладовой: Василиса ему нравилась. Правда, юношеская эта страсть носила тайный характер, и весь класс был уверен, что настоящая любовь индивидуалиста и интеллектуала Тюрина – это спортивная Наумова.

– После того как вы опишете антиподов...

– Кого? – обомлел Вихарев.

– Антиподов, – повторила Ежиха и ехидно посмотрела в глаза хулигана: – Не знаешь, бедняжка?

– И что такого? – вступилась за подшефного сторонница равноправия Хазова. – Можно подумать, все знают, кто такие антиподы...

– Ну, ты-то знаешь, Юля? – многозначительно произнесла классная руководительница, а про себя подумала: «Умная сволочь».

– Я-то знаю, Лариса Михайловна, – бойкая Хазова за словом в карман не лезла. – Но ученикам, чей словарный запас значительно меньше нашего с вами, можно было бы и объяснить.

– Вот и объясни, – оборвала ее Ежиха и грозно добавила: – А пока наша драгоценная Юлечка объясняет значение слова «антипод», прозвенит звонок... И что получит мой драгоценный 9 «Б»?

– Что? – заинтересовался Вихарев.

– Сэмэ, – ответил за Ларису Михайловну находчивый Тюрин и еле заметно улыбнулся в пробивающиеся усы.

– А вот и нет, – Ежиха даже подпрыгнула от радости,

а вместе с ней и изуродованная рукой таксидермиста норковая морда с зелеными бусинами. – Не за что будет вам «сэмэ» ставить. Потому что смотреть будет нечего. Понятно? – Она торжествующе обвела класс взглядом. – Итак... Сосредоточились... И представили, что вот сейчас в класс входит хороший человек, портрет которого должен быть запечатлен в ваших тетрадах. Начали!

После слова «начали» 9 «Б» автоматически уставился на дверь в ожидании хорошего человека. И тот не заставил себя долго ждать. В класс вошла словно обсыпанная мукой Василиса и, ни на кого не глядя, молча прошествовала к своей парте.

– Явление хорошего человека народному собранию, – съязвил Тюрин и вытер вспотевшие ладони о школьные брюки.

– Чё? – прошептала ему Наумова.

– Ничё, – огрызнулся Тюрин, измученный необходимостью «служить» на два фронта.

– Я думала, надо записывать, – с облегчением выдохнула Наумова и положила руки на парту, как первоклассница.

– Не думай, Ленка, тебе не идет, – съязвил Тюрин и тут же раскаялся: спортивную Наумову было жалко. – Не обижайся, – с трудом выдавил он и для солидности кашлянул в кулак.

– Да я не обижаюсь, Илюх, – себе под нос пробормотала Наумова и залилась краской: Тюрина Ленка любила, потому

что тот разительно отличался от пролетарского окружения, выросшего вместе с ней на улице Мира, известной всему городу как оплот подросткового бандитизма. Район, где жила его отстающая в умственном развитии соседка по парте, Тюрин иронично называл «кварталом греко-римской братвы». Но Ленка иронии не понимала. И тюринским названием малой родины простодушно гордилась, искренне недоумевая, почему юркая Хазова так весело ржет, когда Илья рассказывает о посещении улицы Мира в сопровождении Ленкиных братьев-близнецов. Их внешний облик навевал ужас на пай-девочек из номенклатурных домов, у входов которых красовались прозрачные будки с жизнерадостными милиционерами, больше смахивающими на консьержей. Тюрин, кстати, жил в одном из них.

– Наумова! Лена! – сделала замечание Ежиха, и взгляд ее маленьких глазок вонзился в выдающийся вперед подбородок спортсменки. – Не мешай соседу думать!

– Я не мешаю, – каким-то не девичьим баском отрапортовала Наумова и старательно вывела на черновике две загогулины.

– И ты, Тюрин! – Лариса Михайловна, похоже, решила разом перекрыть кислород всему классу.

– А я-то кому мешаю? – удивился сосед Наумовой.

Ежиха хотела было сказать: «Мне!» – но вновь вспомнила о педагогической династии Тюриных и удержалась, вместо этого выдав вздох усталого человека.

– Никому ты, Тюрин, кроме себя самого, не мешаешь, – проникновенно сообщила Лариса Михайловна и нежно погладила куций норковый хвостик, кокетливо болтающийся на ее груди рядом со значком «Отличник образования». – Если только вот Ладовой... Самовольно ушла... Когда захотела, пришла...

– А Ладова-то тут при чем?! – не выдержала Юлька и с вызовом посмотрела на раздувшуюся от важности Ежиху. – Мне, Лариса Михайловна, кажется, что вы к ней придираетесь!

– Придираетесь, – подтвердил сидевший рядом Вихарев и радостно заерзал на стуле. – Точно!

– И не только к Ладовой, – подал голос Тюрин, чем окончательно сбил насторожившийся класс с толку.

– Очень интересно, – скривилась Ежиха, но уже через секунду взяла себя в руки: – Мы живем в тяжелое время. Страна трещит по швам. Рушатся многовековые нравственные ценности: «Не убий», «Не укради»...

– Не прелюбодействуй, – автоматически подхватил эрудит Тюрин и на всякий случай уткнулся в учебник по литературе.

– Чего?! – напугалась незнакомого слова Наумова и беспомощно уставилась на побагровевшую Ларису Михайловну, оторопевшую от тюринской дерзости.

– Илья! – взвизгнула Ежиха, и голос ее слился с треском люминесцентных ламп дневного освещения. – Что ты себе

позволяешь?!

– Это не он. – Хазовой по-прежнему не было покоя. – Это евангелисты: Марк, Лука, Иоанн, Матфей.

– Что? – растерялась Лариса Михайловна и почувствовала себя так неуютно, что готова была выбежать из класса прочь, лишь бы не видеть этих осатанелых подростков, так и норивших побольнее уколоть ее, пожилого, как она любила готовить, человека. – Я... – Ежиха взяла паузу, поправила элегантную дохлятину на своей груди и скорбно произнесла: – Пожилой человек. И я требую уважения к своему возрасту и к делу, которое я делаю. Я... – В классе повисла гробовая тишина. – Учитель. Пе-да-гог.

– С большой буквы, – подсказала Кочевая, и круглые глазки ее увлажнились.

– С большой буквы, – бездумно повторила за подлизой Лариса Михайловна, не чувствуя неловкости. – И я хочу... спокойно доработать до пенсии и уйти на заслуженный отдых с чистой совестью и с чувством выполненного долга. Как завещал... – Она хотела сказать: «Великий Ленин», но вовремя опомнилась и взмахнула рукой, указывая на один из тематических стендов, украшавших кабинет литературы. – «Сейте разумное, доброе, вечное...» – процитировала Ежиха и опустила голову.

– Плачет, – огорченно прошептала Тюрину Наумова и даже приподнялась с места, чтобы рассмотреть святые учительские слезы.

Впрочем, Лариса Михайловна сдаваться не собиралась. Она задорно вздернула подбородок, обвела притихший класс взглядом и торжествующе произнесла:

– «И вечный бой. Покой нам только снится». Ну... и так далее. Работаем!

По рядам пронесся вздох облегчения, школьники завозились, а энергичная правозащитница Юлька Хазова радостно ткнула Вихарева в бок: «Не успеваем! – заговорщицки прошептала отличница и схватила своего подопечного за запястье. – Сколько?»

Счастливый от «ранения в бок» Вихарев протянул ей руку: до звонка оставалось ровно пятнадцать минут.

– Пятнадцать минут, – расплылся в улыбке Юлькин подшефный.

– И чё ты радуешься? – возмутилась Хазова и в сердцах шлепнула соседа по колену, отчего тот впал в невменяемое состояние, лукаво называемое мастерами слова «подлинным блаженством». – Вихарев! Серый! – потребовала вернуться в реальность Хазова, и тот тут же повиновался и замер рядом в предвкушении нечаянного прикосновения. – Вихарев, дурак! – прошипела Юлька и постучала указательным пальцем по тетради, на титульном листе которой красовалась немногословная надпись: «Лит-ра. Вихарев С. 9 «Б». – Пиши, давай!

Пока судились-рядились, Лариса Михайловна пошла по рядам с инспекцией. Добрая половина класса худо

или бедно чего-то набрасывала в черновиках. И только многостаночник Тюрин работал сразу в двух местах: у себя в чистовике и в черновике Наумовой.

– Хотя ты меня не подводи, – нагнулась к ней Ежиха и покровительственно погладила твердую спину легкоатлетки.

Боявшаяся разоблачения Наумова прикрыла исписанный Тюриным лист рукой и подняла голову.

– Пиши-пиши, – промурлыкала великодушная Лариса Михайловна и сделала вид, что не заметила уловки нерадивой ученицы. – Пиши, Лена. Немного осталось. Закончишь девятый и... станешь олимпийской чемпионкой. Обещай! – потребовала Ежиха, ожидая немедленного подтверждения своим прогнозам.

– Ну, я не знаю, – промычала Наумова и с надеждой посмотрела на ухмылявшегося Тюрина.

– А я знаю! – заверила ее Лариса Михайловна и с нежностью подумала о том, как собственноручно вручит этой дылде аттестат и в придачу к нему сорок семь почетных грамот за подписью директора: «Награждается... Награждается... Награждается...»

В эту минуту она искренне гордилась своей ученицей, переползавшей из класса в класс исключительно потому, что на ее счету, а значит, и на счету школы, был не один золотой кубок. И низкая успеваемость в этом плане никакой роли не играла, потому что Эйнштейн вообще был троечником, а стал кем?! Вот и Наумова. Чем черт не шутит? Дура дурой,

двух слов связать не может, любимая книжка – «Три порося», а в перспективе – «Ими гордится школа» и фотографии с пьедестала. Со всего мира.

– Скажи, Лена... – Ежиха явно нуждалась в собеседнике.

– Лариса Михайловна! – взмолился Тюрин. – Пять минут до звонка! Она ж не успеет.

– И не надо! – Ежиха всплеснула ручками и оживленно затараторила: – Записываем домашнее задание. Сочинение на тему: «Хороший человек – это...» Все-таки тема не простая, требует серьезного размышления, поговорите с родителями, друг с другом, посмотрите высказывания классиков... Одним словом: не торопитесь. Сдадите завтра.

– Завтра? – удивился Илья Тюрин и расстроился от одной только мысли, что сегодня после уроков ему придется тащиться домой к Наумовой, чтобы дописывать это чертово сочинение, потому что в противном случае Ленка сама явится к нему с вопросом, а правильно ли она разобрала то или иное слово в черновике. И тогда пиши пропало, потому что из дальней комнаты выползет любопытная бабка, и потащит ее на кухню, и станет угощать чаем с сухофруктами, попутно объясняя, что курага и урюк – это одно и то же: обыкновенный абрикос. А Наумова будет таращить свои навыворот глаза и искренне удивляться людской глупости:

– Раз абрикос – один, то зачем слова – два?

– Так абрикос абрикосу рознь, – терпеливо начнет объяснять бабка, – один – с косточкой, другой – без.

– Ну и что?! – будет стоять на своем Ленка.

– А то, что у каждого явления – свое имя, – изречет бабка, не зная, как преодолеть глухое безразличие его одноклассницы ко всему, что располагалось за пределами городского стадиона.

– Какая целина! – прижмет руки к груди заслуженная учительница, провожая Ленку взглядом.

– Какая удивительная девственность сознания! – в очередной раз поразится Ольга Игоревна и подозрительно посмотрит на внука: – Я надеюсь...

И тогда, Тюрин это предчувствовал, он заведется с пол-оборота и начнет кричать:

– Она дура! Полная! Конченная! Беспросветная дура!

– Тогда пересядь от нее, – в сотый раз посоветует бабка и даже предложит позвонить директору. А он в сотый раз отмахнется и с грустью добавит:

– Я не могу, ба.

– Почему? – устремит на внука свои пытливые очи Ольга Игоревна и тщетно будет пытаться удержать подрагивающую голову.

– Потому... – опустит он голову низко-низко и с грустью процитирует: – «Мы в ответе за тех, кого приручили». И потом...

– Что потом? – насторожится Ольга Игоревна.

– Потом она без меня пропадет, – наврет Илья, а внутри будет елозить беспокойный червяк, подсказывавший раз-

ные ненужные гадости, в быту называемые горькой правдой. И состояла она в том, что Тюрин был трусоват и отказ от соседства с Наумовой мог привести, как он думал, к необратимым последствиям: нос сломают или руку. А может, и нос, и руку. Что-что, а братья Наумовы легко могли ему это гарантировать: хук слева, хук справа, бросок через колено...

Другой вопрос: стоило ли в этом признаваться? К тому же такой старорежимной бабуленции, как Ольга Игоревна. Разумеется, нет. Вот Тюрин и подпитывал ее старческие иллюзии соответствующими цитатами из классической литературы. Благодаря такому внутреннему конформизму Илья умудрялся не просто сохранять внешнее спокойствие, но и выглядеть достойно: ни дать ни взять Пигмалион советской эпохи. Точнее, постсоветской. Галатея, правда, оставляла желать лучшего. Но с этим-то как раз ничего нельзя было сделать, и Тюрин решил, что Галатей не выбирают, и с головой бросился в просветительскую работу: «И крест свой бережно несущий...»

В предвкушении звонка 9 «Б» приступил к активным сборам: урок был последним. Общему ажиотажу не поддались только трое: вышеупомянутый Тюрин, Кочевая и Ладова.

– Лариса Михайловна! – пропищала со своего почетного места – вторая парта у окна – малорослая Лиза Кочевая и встала у парты: – А можно я сдам сочинение сегодня?

Ежиха злобно сверкнула утонувшими под бровями глазами и недружелюбно спросила:

– Зачем?

– Я уже написала, – сообщила главная подхалимка 9 «Б» и смиренно опустила глаза. – Мне больше сказать нечего...

На лице Ларисы Михайловны промелькнуло еле заметное раздражение, но она профессионально справилась с ним, придав лицу выражение искренней заинтересованности:

– Ну-ка, покажи.

Лиза почтительно вложила в руки классному руководителю свою образцовую тетрадь в глянцевого обложке. Ежиха приняла ее в свои лапки как священную книгу пророков и раскрыла на нужной странице. Каллиграфическим почерком Кочевой была написана тема «Хороший человек – это...» А дальше – шло обращение:

Дорогой читатель! Ты, наверное, ждешь от меня традиционного ответа на вопрос: «Кто такой хороший человек?» Но его не будет. Точнее – будет, но не в виде отвлеченного рассуждения, а в виде признания в любви. Да, именно: признания в любви хорошему человеку. И я не стану скрывать его имя, потому что скрывать мне нечего. Это Лариса Михайловна Мозуль – моя классная руководительница, учитель русского языка и литературы, которой по праву гордится не только моя школа, но и мой город...

Пробежав глазами начало сочинения, Ежиха захлопнула тетрадь, сжала ее своими лапками и, прижав ее к груди,

взволнованно провыла:

– Спасибо! Спасибо тебе, Лиза! Спасибо твоим родителям!

– Спасибо вам, – шаркнула ножкой Кочевая и села за парту. Пятерка ей была обеспечена. Все правильно: именно так, как и предупреждала ее дальновидная мамуля.

Сердце хитромудрой Лизаньки радостно забилося, но она ничем не выдала своего волнения и спокойно начала складывать сумку, пряча от одноклассников торжествующий взгляд.

– Интересно, – хмыкнула проницательная Хазова, наблюдавшая за реакцией Ларисы Михайловны. – Чего она там ей такое понаписала, что Ежиха чуть ли на колени бухнулась и поклоны не начала бить? Ладова, – на всякий случай обратилась она к Василисе, широкая спина которой надежно закрывала от нее большую часть доски: – Ты это видела?

Василиса медленно развернулась к Хазовой.

– Здорово, Перина, – тут же поприветствовал ее Вихарев. – Давно не виделись.

– Хватит уже! – сделала ему замечание соседка по парте: – Не видишь, что ли, Ладова – наш человек.

Этой рекомендации было достаточно, чтобы Вихарев на какое-то время возлюбил Василису всем сердцем. Точнее – той его частью, которая была свободна от всепоглощающей страсти к соседке-отличнице:

– Перина... Блин! – осекся он. – Ладова! Не Перина!

Не слышишь, что ли? Тебя люди спрашивают.

– О чем? – вяло уточнила Василиса и провела рукой по волосам, словно стряхивая с них что-то невидимое глазу.

– Ладова, – возгорелась Юлька и резко дунула, чтобы убрать челку, занавесившую правый глаз. – Ты чего? Спишь в одном ботинке?! Ежиха чуть ли не в рай вознеслась!

– А что случилось? – лениво поинтересовалась Василиса, думая о чем-то своем.

– Да я и сама не поняла. Кочевая чего-то там такого понаписала, что та из штанов чуть не выпрыгнула: «Спасибо, мол, раз-спасибо. И тебе, Лиза, и маме твоей...» Хотела я сказать, такой же подлизе... Нет, ну ты подумай, Ладова. Все люди как люди, принесут сочинение завтра, а Кочевая, как всегда: «Можно я сдам раньше? Больше мне сказать нечего», – похоже передразнила одноклассницу Хазова. – Я тоже, между прочим, могу сдать раньше. Но я принципиально не отрываюсь от класса: все завтра, значит, и я завтра. Правда, Серый?

Вихарев с готовностью затряс головой, как китайский болванчик.

– А ты, Ладова? – строго спросила Юлька, уверенная в том, что и та – завтра. Но Василиса медленно заправила за ухо выбившуюся из косы белую прядь и, глядя Хазовой прямо в глаза, спокойно произнесла:

– Я сдам сегодня.

Такого предательства от «нашего человека» Юлька не ожидала. Отпрянув от Ладовой, она беспомощно посмот-

рела на верного Вихарева и не нашла ничего лучше, как тихо поинтересоваться:

– Зачем?

– Все равно больше ничего не напишу, – пожала плечами Василиса.

– Так тебя пол-урока не было, – напомнила ей Хазова. – Когда ты успела?

Ладова не удостоила ее ответом. Встала ровно со звонком и вручила Ларисе Михайловне свою тетрадь:

– Это что? – Ежиха поморщилась, словно от неприятного запаха.

– Сочинение.

– Я же сказала: завтра.

– А у нас так теперь, Лариса Михайловна, – встряла Хазова. – Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Кочевая же сдала работу?

– Лиза – это совершенно другое дело, – вступилась за свою любимицу классная руководительница.

– Так Ладова у нас тоже не из простых, – напомнила Юлька. – Вы ведь сами сказали: «Моя любимая ученица». А раз любимая, значит, на особом счету.

– У меня нет любимчиков, – провозгласила Ежиха и с ненавистью посмотрела на все подмечающую Хазову.

– Конечно, нет, – усмехнулась Юлька. – Только Кочевая и Ладова.

Лариса Михайловна почувствовала себя пойманной с по-

личным и высокопарно изрекла:

– И все-таки, Юля, чтобы ты не говорила, любимчиков у меня нет. Хочешь, тоже сдай работу.

– Ну уж нет, – затрясла головой Хазова. – Сказано – завтра, значит, завтра. Да и потом, тема ведь сложная. Так?

– Так, – подтвердила Ежиха.

– А служенье муз не терпит суеты?

– Не терпит, – пришлось согласиться Лариса Михайловне.

– Вот и не буду торопиться: почитаю классиков, подумаю на досуге. Загляну истине в лицо, пока та не повернулась ко мне... – она хотела сказать «задом», но предусмотрительно поменяла на: – спиной.

Последняя сентенция Хазовой пришлась Ежихе по вкусу:

– Сама придумала?

– Что вы! Где уж мне! Мудрость народная!

– Юлька, – не выдержал Вихарев, – идешь?

– Иду, – подхватила Хазова и вымелась вслед за своим дружкой, оставив Ладову один на один с классной руководительницей.

– Так что ты мне хотела сказать, Василиса? – встрепнулась Лариса Михайловна, всклопоченная после встречи со своим сумасшедшим 9 «Б».

– Ничего. Я сочинение сдала.

– Это? – Ежиха, оттопырив мизинец, помотала ладовской тетрадкой в воздухе. – Не поторопилась?

– Нет, – как отрезала Василиса и направилась к своему

месту, чтобы взять сумку и наконец-то покинуть класс.

При взгляде на широкую спину Ладовой Лариса Михайловна почувствовала очередной прилив раздражения. Причем в этот раз она была абсолютно свободна в проявлении чувств: урок закончился, в классе никого нет, одни только портреты писателей...

– Откуда в тебе, Ладова, столько гонора? – пошла в наступление Ежиха, не отводя глаз от перечерченной толстой белой косой спины Василисы. – Столько уверенности в себе? Откуда?

Ладова обернулась.

– Ты вроде из обыкновенной рабочей семьи. Я забыла, кто у тебя родители? Мама? Папа?

– А при чем здесь мои родители, Лариса Михайловна? – Василиса пыталась избежать неприятного разговора.

– Как при чем? – Ежиха подпрыгнула на месте. – Притом! Это же они тебя такой воспитали!

– Какой? – Ладова никак не могла понять, что от нее требуется.

– А такой... – Лариса Михайловна сощурилась, пытаясь подобрать нужное слово. Но оно никак не находилось, и это в то время, когда душа требовала сатисфакции за напрасный учительский труд, за напрасно прожитый для чужих детей день. – Я даже не знаю, как тебя назвать, Василиса. Какими словами донести до тебя правду жизни. Суровую. Горькую. Но правду...

– Я не понимаю, Лариса Михайловна, чего вы от меня хотите, – Ладова переступила с ноги на ногу, но выйти из класса не решилась.

– Я-а-а-а?! – ахнула Ежиха.

– Вы, – подтвердила Василиса, уставшая от невнятности учительских рассуждений.

И тогда Лариса Михайловна оглянулась по сторонам, погладила норковую горжетку и вполголоса произнесла:

– Я хочу, Ладова, чтобы ты всерьез пересмотрела свою жизненную позицию.

– Какую? – Василиса в изумлении вытаращила глаза на Ежиху, перескакивающую с одного на другое: то родители, то правда, то жизненная позиция... Мозг Ладовой отказывался воспринимать немотивированные колебания учительской мысли, она взмолилась:

– Лариса Михайловна, отпустите меня, пожалуйста. Мне нужно домой.

– В преддверии выпускных экзаменов, – как ни в чем не бывало, продолжила Ежиха, – тебе нужно еще раз взвесить все за и против и принять единственно верное решение. Подумай, Василиса, ты столько лет мечтала стать поваром! – Лариса Михайловна произнесла это с такой интонацией, как будто Ладова мечтала полететь в космос. – А сейчас ты с легкостью отказываешься от своей мечты. Я бы сказала, ты предаешь свою мечту, смущая всех: меня, родителей, администрацию школы... Ты только представь: вот ты

пойдешь в десятый, выпустишься, поступишь в какой-нибудь вуз и что?!

– И что? – прошептала Василиса.

– Да ничего! – рявкнула Лариса Михайловна. – Еще одним никчемным специалистом станет больше. А ведь мир нуждается в другом: в красоте, в радости. Мир нуждается в рабочих профессиях. Не всем, поверь мне, Ладова, не всем показано высшее образование. Рубить нужно дерево по себе. По росту, так сказать, рубить нужно. Поэтому и советую хранить верность любимому делу...

Выслушав длинную тираду учителя, Василиса наконец-то поняла, к чему весь этот сыр-бор. Ежихе просто не хотелось напрягаться: рапорт был сдан, а в нем и список выпускников и распределение по классам: гуманитарному, физико-математическому, химико-биологическому. И получается, ни в одном из них для Ладовой места не было. «Не будет по-вашему!» – мысленно поклялась Василиса и не типично для себя широко улыбнулась: ей стало легко от собственной смелости.

– Что смешного я сказала?! – тут же отреагировала Лариса Михайловна и занервничала. «Возможно, я чего-то не знаю, – засомневалась она. – И за Ладовой кто-то стоит?»

Но за Ладовой никого не было, даже Хазову и ту ветром сдуло. Бей – не хочу. Но обескураженная улыбкой Василисы, классная руководительница на всякий случай сошла с тропы войны и распахнула объятия перед нерадивой ученицей:

– Ну что, дружок? – пропела Ежиха и засверкала глазками: – Подумаешь?

– Я все решила, – Ладова повесила на плечо сумку.

– Это тебе только кажется, – предприняла последнюю попытку Лариса Михайловна, но тут же отступила, почувствовав в Василисе мощное внутреннее сопротивление, совершенно не сочетающееся с внешним обликом белоголовой рохли. – Пусть будет по-твоему, – выдавила из себя классная руководительница и, не зная, что делать дальше, распахнула тетрадь Ладовой.

Довольно неряшливым почерком под темой «Хороший человек – это...» было написано несколько предложений. «Краткость – сестра таланта», – усмехнулась про себя Лариса Михайловна и зачитала вслух:

Нет такой профессии «хороший человек». То, что одному кажется хорошим, другому покажется отвратительным. Зато и первый, и второй захотят доброго к себе отношения. А проявляется оно в умении принимать человека таким, какой он есть. Поэтому «хороший человек» никогда не унижит, не оскорбит и не усомнится в твоём выборе, даже если он ему непонятен. Вот в этом и состоит призвание быть «хорошим человеком»».

– И что я должна за это поставить?! – Ежиха потрясла тетрадью перед Василисиным носом.

– Что считаете нужным, – опустила голову Ладова, но буквально уже через секунду посмотрела на классную руководительницу и снова улыбнулась победной улыбкой уверенного в своей правоте человека: – До свидания, Лариса Михайловна.

– До завтра, Василиса. И не забудь принести нормальное сочинение, – Ежиха протянула Ладовой ее тетрадь.

– Это нормальное сочинение, – тихо проговорила ученица и вышла из класса.

– Она не оставит тебя в покое! – сделала вывод закадычная подруга, верность которой Василиса хранила с того самого дня, когда та поклялась дружить с ней до конца жизни и в подтверждение истинности своих намерений, не моргнув глазом, проглотила половину дождевого червя, безмятежно свернувшегося на самом дне большой лужи городского парка.

– На! – Гулька протянула вторую половину скользкого бордового шнурка, не прекращавшего шевелиться, несмотря на тяжесть проведенной экзекуции. – Ешь!

– Я не могу! – попробовала было отказаться Василиса, но через минуту, справившись с рвотным позывом, зажмурилась и засунула червяка за щеку, изобразив при этом глотательное движение.

– Ну как? – заинтересовалась Гулька Низамова, поздняя и единственная дочь возрастных родителей.

– Ныкак, – промычала обманщица и замотала головой.

– Тошнит? – догадалась Гулька и с сочувствием взяла бе-
логоловую девочку за руку. Василиса кивнула, и от стыда,
что не получилось довести ритуал братания до своего есте-
ственного конца, чуть не заплакала.

– Выплюни, – посоветовала проницательная Гулька и про-
демонстрировала, как это делается.

– Ны могу, – еле выговорила Василиса и пошла красными
пятнами от волнения.

– А ты смоги, – очень серьезно произнесла Гульназ, и ее
левый глаз уехал куда-то в сторону. С ней всегда так проис-
ходило, когда та собиралась сказать нечто важное.

– Ну ты же съела! – объяснила свою медлительность Ва-
силиса.

– Ну, я – это совсем другое дело, – без ложной скромно-
сти заявила Гулька и заставила новоиспеченную подругу от-
крыть рот. Неискушенная Ладова с готовностью повинова-
лась, и Гульназ, подражая родителям-стоматологам, профес-
сионально произвела осмотр ротовой полости. Правда, вме-
сто стоматологического зеркала она воспользовалась огрыз-
ком карандаша, но делу это не помешало.

– Ничего нет, – сообщила Василисе Гулька. – Наверное,
рассосался.

– Ны рассосался, – промычала Ладова и достала из-под
языка двумя пальцами свою половину.

– Надо же! – удивилась Гулька и поднесла червяка к гла-

зам: – Живой еще...

От этих слов Василису замутило, и она разрыдалась от ощущения собственной неполноценности: «Такая необыкновенная девочка! Полцарства за такую подругу – и мимо!» Но судьба распорядилась иначе и приказала дружбе быть.

– Ты чё ревешь? – обеспокоилась Гулька.

– Я не реву, – Василиса торопливо вытерла слезы и стала похожа на белого кролика с красными глазами. Таких продавали в магазине «Рыболов и охотник».

– Тогда кровью поклянись! – потребовала Низамова и достала из заднего кармана умопомрачительной джинсовой юбочки осколок стекла. Слава богу, и Гулька, и Василиса не особо разбирались в терминологии, поэтому кровопускание прошло для обеих практически безболезненно: пара-тройка царапин, микроскопические капельки крови, но и этого было достаточно, чтобы дружба завязалась прочным межнациональным узлом.

– Бятяч!¹ – зашипела Низамова и закосила левым глазом. – Чё будем делать?

– Ничего не будем делать, – отмахнулась от подруги Ладова и расплела косу.

– Васька! – Гульназ могла так называть Василису. – Вот почему тебе так повезло? Ты – белая! А я – черная! Я маме говорю: «Осветлюсь». А она: «Все равно белой не будешь».

¹ Татарское восклицание, которое выражает изумление, удивление.

Будешь желтой. Как я». А я не хочу желтой!

– Зато ты худая, – с завистью вздохнула Ладова и посмотрела на свои полные ноги: ни дать ни взять бройлер.

– Ну, так я же столько сладкого не ем, как ты.

– Я теперь тоже не ем, – открыла секрет Василиса.

– Чего-то случилось, а я не знаю? – хихикнула Гулька и ткнула Ладову острым локотком в бок.

– Все ты знаешь, – потеряла ушибленное место Василиса. – Буду худеть. А то не человек, а белый медведь.

– Медведица, – с любовью поправила ее Низамова и предложила бегать по утрам в школьном саду. – Давай, Васька! Движение – это жизнь. Кстати, ты подумай, может, вместо кулинарного пойдешь со мной в медицинское?

– Нет, – отказалась от предложения Ладова.

– «Нет» – это про медицинское или про бегать?

– И про то и про другое: ненавижу бегать.

– Васька, я тоже много чего ненавижу... Вся жизнь такая: ненавидишь – и делаешь, ненавидишь – и делаешь. Я например, козье молоко ненавижу. А пью, иначе абики² обидится.

– Сравнила: молоко и бег два километра.

– Ну, как хочешь, – отступила Гульназ и критично посмотрела на рассевшуюся рядом Василису. Она и правда была вся какая-то неправильная: полная, старомодная, в ужасных туфлях, словно из бабушкиного сундука. И это в свои шестнадцать, когда нужно носить короткие юбки и стрелять

² Бабушка (mam.).

глазами направо и налево. Но вместе с тем и Гулька это каким-то задним числом понимала, Василиса обладала какой-то завораживающей, космической, инопланетной красотой. Белые рассыпавшиеся по плечам волосы, широко расставленные глаза, светящаяся изнутри кожа, не подвластная подростковым прыщам, нежный, еле заметный румянец. Ее не портили ни белые ресницы, ни белые брови. Снежная королева! Правда, толстая.

– Васька! – Гулькина честность пренебрегала тактом. – Ты вообще-то ничего. Только это... надо схуднуть. И ресницы того... красить пора, а то тебя словно сахарной пудрой обсыпали. Как рахат-лукум.

Услышав, как Низамова сравнивает ее с восточной сладостью, Ладова неожиданно расплакалась.

– Вась! – напугалась Гульназ. – Ты чё?

Василиса покачала головой и закрыла лицо руками. Гулька отодвинулась от нее и стала ждать, когда громкие всхлипы сменятся на тоненькое жалобное подвывание. Как только это произошло, Низамова схватила Василисину руку и прижала ее к своей детской груди. Жалела, любила и ненавидела Гулька всегда с такой силой, что рядом с ней мало кто задерживался. Пожалуй, за исключением Ладовой, никто. Поэтому Василису Гульназ боготворила и не испытывала никакого стеснения, если нужно было произнести слова любви и поддержки.

– Васьк, – голос Низамовой дрогнул. – Прости меня, если

я тебя обидела. Ты не толстая, – попробовала она обмануть подругу, но прямолинейность взяла свое: – Вообще-то толстая, конечно. Но это сейчас. А потом похудеешь. Или выйдешь замуж за армянина.

– Я не хочу за армянина! – Ладова, вероятно, не наревелась и решила повторить все заново.

– И не надо, – Гульназ великодушно освободила Василису от необходимости вступать в брак с представителем дружественной нации. – Жди своего... этого, – Гулька наморщила лоб и стрельнула в небо глазами.

– Если верить – сбудется, – сквозь слезы проскулила Ладова и посмотрела вверх, возможно, в ожидании, что сквозь облака проглянет милый лик того самого, длинноволосого, в белой майке.

Низамова, почувствовав торжественность момента, придвинулась к Василисе и доверительно сообщила:

– А я вообще замуж не выйду.

– Выйдешь, – пообещала ей Ладова и положила руку той на плечо: – Твоя же мама вышла.

– Ага! В тридцать восемь! – буркнула Низамова с такой интонацией, как будто ее мать совершила нечто противоправное, осмелившись выйти замуж в столь преклонном, как считала Гулька, возрасте.

– И что с того? – Тридцать восемь лет Ладову не смущали.

– А ничего! – отклеилась от нее Гульназ. – Ты просто посчитай: в тридцать восемь вышла, в тридцать девять родила.

Значит, сколько ей сейчас?

Василиса наморщила лоб, складывая в уме роковые числа:

– Пятьдесят пять.

– Правильно. А твоей матери сколько?

– Сорок пять.

– Вот и думай! – рассердилась Гулька и шмыгнула носом. – Бектимиров меня спрашивает: «Это твоя мама или бабушка?»

– Дурак твой Бектимиров, – обиделась за низамовскую мать Ладова.

– Да чмо просто! – тут же согласилась с ней Гульназ, хотя внутри при звуке ненавистной фамилии коварно подпрыгнуло маленькое, но мужественное сердечко. – Козел.

– Козел, – согласилась Василиса.

– Я тоже говорю – козел! – с удовольствием повторила Гулька и вдруг обнаружила, что градус настроения стал чуть выше. – В общем, Васька, замуж надо выходить вовремя. А то получится: ребенок школу заканчивает, а ты – жизнь. Пятьдесят пять – это уже бабушка!

– Да какая же она бабушка?! – возмутилась Ладова, живо представив перед собой старшую Низамову: Гульназ была поразительно похожа на свою мать. Со спины их даже можно было спутать: обе невысокого роста, худенькие, с торчащими пирамидками локотков.

– А чё ты хотела? В пятьдесят пять женщины на пенсию выходят и внуков нянчат.

– Не все! – замахала руками Василиса и хотела было сказать, что у них в школе половина учителей – дамы преклонного возраста, но передумала, потому что для Низамовой учителя были не указ, а при упоминании о Ежихе она вообще могла вспыхнуть, как бикфордов шнур, и призвать на помощь тьму шайтанов³, чтобы те наконец сопровождали Ларису Михайловну Мозуль по месту назначения. – Знаешь, Гуль, – Ладова выложила свои руки на большие круглые колени, каждая из которых раза в три-четыре превосходила мелкие Гулькины шарнирчики, и чистосердечно призналась: – А мне твоя мама нравится. Тетя Эля такая модная, современная. Она и выглядит молодо. Мне кажется, даже моложе моей мамы, хотя ты говоришь, ей пятьдесят пять.

– Это я только тебе сказала, – доверительно сообщила Низамова. – Все думают, ей меньше.

– Тогда откуда Бектимиров знает? – усомнилась в Гулькиной честности Василиса.

– Никому не скажешь? – угрожающе прошептала Низамова, как будто их разговор кто-то мог услышать.

– Могила, – поклялась Ладова и впиалась взглядом в темные, как сушеные вишни, глаза подруги.

– Мать Бектимирова – это первая жена моего папы.

– Дяди Фаниса? – ахнула Василиса и тут же закрыла рот ладонью.

Гулька внимательно наблюдала за Ладовой, наслаждаясь

³ Черт, злой дух (араб.).

произведенным эффектом.

– То есть вы брат с сестрой? – обомлела Василиса, потому что кого-кого, а видеть Бектимирова в числе Гулькиных родственников она не хотела.

– Вот еще, – презрительно пожала плечами Низамова. – Только брата мне и не хватало. Он же не Низамов. Он – от второго Розкиного мужа, от Бектимирова.

– А сколько же ей лет?

– Кому?

– Ну, матери Бектимирова.

– Розке-то? Откуда я знаю? Но думаю, что она младше мамы. Поэтому и злится. Вроде как она молодая, а от нее мужик в бега подался. Да еще и женился. Как она говорит, «на старухе». Но ты прикинь! – с гордостью за мать произнесла Низамова. – Это ж уметь надо: от молодой жены мужа увести. Видала, какая хватка!

При слове «хватка» Василиса тут же представила себе бульдога и даже вспомнила про прикус в несколько атмосфер, но образ оказался ошибочным, потому что тетя Эля на бульдога никак не походила. Больше на маленькую собачонку, соседскую любимицу, той-терьера по кличке Жужа.

– Теперь понимаешь, почему Бектимиров бесится?

– Нет, – покачала головой Ладова. – Не понимаю: ему-то какая разница?

– Ну как какая?! – вступилась за Бектимирова Гулька. – Ему же обидно. Татары, знаешь, как к матери относятся?

Как мать скажет, так сын и сделает. Не то что у вас, у русских.

– У нас тоже нормально относятся, – вступилась за своих Василиса.

– Ага, – не согласилась с ней Низамова, – очень нормально. Татарин никогда мать не пошлет куда подальше. А русский пошлет. Я сколько раз слышала. Под нами Ивановы живут, мать с сыном: она уборщица, он алкаш. Видела бы ты!

– Не все такие. – В Ладовой выиграло национальное достоинство.

– А я и не говорю, что все, – моментально исправилась Гульназ. – Придурков везде полно: и у наших, и у ваших.

Быстрый компромисс обезоружил Василису, и она щедро улыбнулась подруге, в который раз пожалев о том, что та учится в другой школе, довольно далеко от Василисиного дома.

– Гуль, – продолжая улыбаться, позвала ее Ладова, – скажи честно, почему ты мне единственная на день рождения торт не подарила?

– Я что, ненормальная? Кто дарит торт на шестнадцатилетие?! Съел и забыл. У нас, например, на шестнадцатилетие дарят золото. У вас – торты. Я твоих родственников, Васька, прям ненавижу. Они чего у тебя все какие жадные?! Сколько торт стоит?

– Не в этом дело, – вступилась за свою родню Василиса. – Я сама виновата. Всегда говорила, что лучший подарок – это что-нибудь сладенькое.

– И что? – вытаращила глаза Низамова. – Ты мне то же самое говорила, но я-то понимаю... И вообще: очень удобно.

– Нельзя быть такой меркантильной, – наконец-то всерьез обиделась Ладова. И кажется, больше от того, что чувствовала в словах подруги определенную правоту.

– Можно! – тут же взвилась Гульназ. – Еще как можно. И ничего плохого в этом нет, – подытожила она и вытянула ноги в лаковых лодочках с маленьким бантиком. Василисе они показались игрушечными. – Нравятся? – перехватила завистливый взгляд Гулька и ехидно захихикала: – Знаешь, сколько стоят?

Ладова согласно кивнула.

– Так вот: нет денег – нет шмоток. Ну а дальше – сама знаешь...

– Не знаю я ничего, – насупилась Василиса.

– Знаешь-знаешь, – пропела Низамова. – Ты ведь худеть собралась? Так?

– Так.

– А зачем? Можешь сказать?

Ладова упорно молчала.

– Можешь! Ну...

Василиса отвела взгляд.

– Любви тебе, Ладова, хочется. Большой и светлой. Вот ты и палишься на себя в зеркало и думаешь, мол, похудею и будет любовь. Ни фиги! Сначала ты похудеешь, потом – нормально оденешься. Нормально, Васька, а не в эту школь-

ную форму фабрики «Русь».

– Это не школьная форма, – возмутилась Ладова. – Это мы с мамой шили. В ателье.

– Не в том ателье! – разошлась Гулька. – В Доме моды надо было шить, а не в «Звездочке».

– В «Доме моды» дорого! – начала было оправдываться Василиса, а потом замолчала и низко опустила голову.

– Дорого да мило, дешево да гнило! – процитировала житейскую мудрость Низамова и вскочила со скамейки. – Поняла?! А ты говоришь: не в деньгах счастье.

– А я и правда думаю, что не в них.

– Да я тоже так думаю, Васька. Но и без них тоже плохо.

– Тогда зачем ты идешь в училище? – удивилась Ладова. – Поступала бы сразу в мед. После одиннадцатого.

– Ага! – ухмыльнулась Низамова. – Кто это меня туда возьмет? С моими-то тройбанами! А тут уже и договоренность есть. Потихоньку, полегоньку – и все срастется. Будет у нас семейная стоматология. Приходи – приглашаю.

– Приду, – пообещала Ладова и поднялась.

– Кстати, – вдруг встрепенулась Гулька и, подскочив к подруге, по-хозяйски перекинула свисающую прядь белых Василисиных волос за спину: – Ты почему мои серьги не носишь? Не нравятся?

– Нравятся! – Ладова вернула прядь на место, закрыв ухо. Небольшие круглые серьги, вологодская финифть: на белой эмали голубая незабудка, как нельзя лучше подходили к зим-

нему облику Василисы. – Только у меня уши не проколоты.

– Как?! – ахнуло татарское дитя, чьи смуглые ушки были украшены золотыми полумесяцами чуть ли не с рождения. – Совсем?! Васька! Ты что? Ненормальная? Тебе сколько лет, Ладова?!

– Шестнадцать.

– Я знаю, что шестнадцать! Крепостных девок, нам по истории рассказывали, уже в тринадцать-четырнадцать лет замуж выдавали. В четырнадцать-пятнадцать они рожали. А у тебя даже уши не проколоты!

Тот факт, что Василиса дожила до шестнадцати с абсолютно девственными ушами, потряс Гульку до глубины души. Низамова даже хотела выступить с обвинением в адрес ладовской матери, тети Гали, но вовремя заткнулась и командовала:

– Пойдем! Будем уши прокалывать!

– Я как-то, знаешь, не собиралась, – робко воспротивилась Ладова, но на всякий случай двинулась вслед за подружкой.

– Я тоже не собиралась, – успокоила ее Гулька. – А что делать?

– Так, может, в другой раз? – предложила Василиса, плохо представлявшая, каковы дальнейшие планы ее безбашенной подружки, которой ничего не стоило сожрать червяка, провести кровавый ритуал братания, выжечь тавро на лодыжке, если это требовалось для дела.

– В другой раз мне будет некогда, – не оборачиваясь проворчала Гульназ. – Или сейчас, или никогда. Выбирай! – Она резко встала и повернулась к Ладовой лицом.

Сказать «никогда» было еще страшнее, чем согласиться на кровавую экзекуцию.

– Ну! – угрожающе потребовала ответа Гулька. – Сейчас или никогда?

– Сейчас, – выдавила Василиса, и в голосе ее не прозвучало и нотки радости.

– Я так и думала! – Низамовское лицо обрело торжествующее выражение. – Пять минут – и ты красавица.

В это Василисе с трудом верилось. И она, представив себя в образе папуаски с оттянутыми до плеч мочками ушей, простонала:

– Гуль, а это больно?

– Уши прокалывать? – уточнила Низамова и прибавила шаг, подозревая, что если так и идти вразвалочку, то у Василисы появиться шанс сбежать. – Не... не больно. Только хрустит, когда иголку протаскиваешь.

Эта деталь было явно избыточна. Ладова остановилась и в полуметре от низамовского дома решительно заявила:

– Я не буду!

– Будешь, – заверила ее Гулька и, забежав той за спину, подтолкнула Василису к подъезду: – Второй этаж!

Безвольная Ладова шагнула в полумрак подъезда и начала подниматься по ступенькам под грохот собственного сердца.

– Гуль... – оборачивалась она к Низамовой на каждой второй по счету ступени. – Может, не надо?!

– Надо, – маленький бульдозер напирал сзади.

– Но откуда ты знаешь? – Василиса чуть не плакала.

– От верблюда, – буркнула Гульназ и два раза нажала на кнопку звонка, рассыпавшегося канарейкой. За дверью послышалось громкое шарканье и дребезжащее: «Кто-о-о-о?»

Гулька ответила по-татарски. Дверь отворилась, и из-за нее показалась сухонькая улыбчивая старушонка в белом платке на распуск.

– Айда, кызым⁴, – пригласила она Ладову и на своем языке что-то спросила у внучки.

– По-русски говори, – сделала ей замечание Низамова и тут же чмокнула абику в сморщенную щеку.

– Айда есть! Будешь? – тут же исправилась Гулькина бабушка и на кривых ногах поспешила на кухню.

– Не, – отказалась Низамова и, чтобы не расстраивать абику, прокричала той вслед: – Потом.

– Зачем потом? – удивилась женщина и приветливо помахала девочкам рукой.

– Потом! – притопнула ножкой Гулька и, усадив Ладову на диван, пошла вести с абикой переговоры.

До Василисы из кухни доносилась татарская речь, кое-что она даже понимала, но особо не вслушивалась, потому пре-

⁴ Дочка (тат.).

красно знала, как бы абики не отказывалась помочь, Гулька все равно своего добьется. Так и вышло.

Низамовская бабушка вынесла из своей комнаты коричневый пузырек со спиртом, опустила туда иглу с пропущенной сквозь ушко шелковой ниткой, прочитала намаз и позвала Ладову:

– Айда, свет садись.

У Василисы подкосились ноги.

– Айда-айда, – улыбнулась беззубым ртом абики и постучала сухой ладонью по стулу, приглашая Ладову присесть.

– Опять зубы не надела, – проворчала Низамова и уставилась на Василису, как удав на кролика. Отступить было некуда: позади – запертая на железный засов дверь, впереди – обретенная в муках красота. – Иди, что ли, – заволновалась Гулька, как будто это ей предстояло пройти через горнило испытаний.

Ладова глубоко вздохнула и, мысленно попрощавшись с ни о чем не подозревающими родителями, выдвинулась на передовую.

– Хава Зайтдиновна, – взмолилась Василиса. – Это больно?

– Не, – прошамкала абики и нацепила на нос очки. – Аллах поможет, – пообещала она православной Ладовой и, достав иголку, точным движением проткнула ее ухо.

Василиса негромко ойкнула и вытаращила глаза: в ушах стоял тот самый хруст, о котором ее предупреждала Низамо-

ва. Бабка завязала узелок, обрезала нитку и снова засунула иголку в пузырек со спиртом.

– Абика, – позвала ее Гулька и перешла на татарский, потому что так было проще: Хава Зайтдиновна половины русских слов, доступных среднестатистическому татарину России, просто не понимала. И Ладова это знала, поэтому не обижалась и не чувствовала себя не в своей тарелке, когда в доме у Низамовых звучала татарская речь.

Проткнув второе ухо, абика посмотрела на свою внучку как на умалишенную и протянула той руку ладонью вверх. И тут наконец Василиса поняла, о чем переговаривались эти двое. Гульназ торопливо расстегнула болтавшийся в ухе золотой полумесяц и ловко вытащила серьгу из уха. Сначала – из одного, потом – из другого.

– Не надо! – взбунтовалась Ладова и лихорадочно затрясла головой.

– Брезгуешь, что ли? – скривилась Гулька и с обидой поджала губы.

– Да что ты! – разволновалась Василиса. – Они ж золотые!

– Так золотые и надо, – успокоила ее Гульназ, а Хава Зайтдиновна щелкнула портновскими ножницами, осторожно вытянула окровавленную шелковую ниточку и легко вставила серьги собственной внучки в чужие уши. – На, – Низамова протянула Ладовой зеркало, чтобы та любовалась собственной красотой.

Василиса с опаской заглянула в сверкающий серебром

овал и увидела свое испуганное лицо, к которому приклеились два золотых татарских полумесяца.

– Теперь ты татарка, – серьезно произнесла Гульназ, а потом задорно расхохоталась: – Васька! Все! Расслабься! А то у тебя вид, словно ты в туалет хочешь!

Низамова вытаращила глаза, надула щеки и напряглась так, что ее смуглое личико побагровело. Абика быстро поняла, кого изображает ее внучка, и захихикала:

– Айда! Есть давай!

Это предложение понравилось Ладовой гораздо больше, чем все остальное. Она с готовностью отправилась на низамовскую кухню и, пока шла, чувствовала, как покачиваются в ее истерзанных ушах довольно тяжелые золотые полумесяцы. А потом на пару с Гулькой они наворачивали кыстыбый⁵, запивая их наваристым говяжьим бульоном, в котором плавала мелко порубленная свежая зелень. И абика сидела напротив таких разных девчонок, с умилением переводя взгляд с одного лица на другое, и послушно отвечала на вежливые вопросы Василисы о здоровье, о погоде, о телевизоре, возле которого Хава Зайтдиновна проводила весь день, периодически переключаясь на приготовление обеда или ужина.

Внимание полной белоголовой девочки абики было особенно приятно, потому что она видела, как менялось выражение Гулькиного лица, когда речь заходила о Василисе.

⁵ Блюдо из картофеля.

И плохо говорящая по-русски татарка ласково называла Ладову «кызым» и подкладывала ей на тарелку очередной кусок, что вполне отвечало духу татарского гостеприимства, согласно которому на столе, равно как и в тарелке, не должно быть пустых мест.

А Василиса этого даже не замечала и бездумно отправляла в рот всякие вкусности, напрочь забыв, что несколько часов тому назад поклялась начать новую жизнь, направленную на похудание. Не помнила об этом и Гулька, капризно отодвигающая от себя то чак-чак⁶, то пиалу с сухофруктами. И абика настойчиво продолжала угощать Ладову, таким образом удовлетворяя свою самую насущную потребность – быть полезной взбалмошной худосочной Гульназ, внешний вид которой вполне подходил под жалостливое определение «И в чем только душа держится?». «То ли дело ее подруга: какой простор для души!» – радовалась Хава Зайтдиновна и мечтала о том, что рано или поздно наступит время, когда тонкие низамовские кости обрастут мясом и Гулька станет напоминать девочку, а не высушенное насекомое.

Впрочем, сама Гульназ ни о чем подобном не мечтала. Во сне к ней настойчиво являлся придурок Бектимиров и делал всякие непристойные предложения: крепко прижимался, дышал в висок или в затылок, одним словом, до куда дотянется. Просыпалась Низамова растревоженная, сердитая, срывалась на абику, на родителей и даже всерьез подумывала

⁶ Восточная сладость из теста с медом.

о том, не рассказать ли все Ладовой, потому что держать все это в себе было невыносимо. Но всякий раз, когда она собиралась «вывалить все начистоту», происходило нечто, что придавало внятный смысл ее жизни и отвлекало внимание от всяких сомнительных глупостей, которые Гулька приписывала вмешательству нечистой силы и никак не связывала с пробуждающейся в себе сексуальностью. К тому же кандидатура Бектимирова никак не соответствовала ее представлениям о настоящей любви. И слава богу, потому что иначе она извела бы себя за то, что испытывает странное влечение к главному врагу всей своей жизни, доставшемуся ей в наследство от отца так же, как и родинка над губой.

Короче говоря, дел у нее было предостаточно, потому что мир был несовершенен и явно нуждался в улучшении. Над ним Гулька и продолжала активно работать, попутно исправляя ошибки природы или неправильного воспитания. Например, в случае с Ладовой.

Низамова пристрастно посмотрела в лицо подруге и смело разрушила царившую за столом идиллию:

– Не думай, Васька, что уши проткнули и дело с концом. У нас с тобой вообще-то другая задача.

– Какая? – Ладова чуть не поперхнулась.

– Худеть! – объявила Низамова, и стало ясно, что если завтра Василиса добровольно не явится на школьный стадион, то она обязательно заставит ее это сделать.

– Я не побегу! – категорически отказалась Ладова и по-

вернулась к абике: – Скажите, чтоб она от меня отстала!

Хава Зайтдиновна пожала плечами: мол, сами разбирайтесь, я-то тут при чем?

– Нашла союзника! – скривилась Гулька, державшая, как она говорила, всю семью в кулаке. – Никто тебе, Василиса, не поможет. Даже температура. Поэтому готовь кроссы, спортивные, и завтра встречаемся в школьном саду в шесть часов утра...

Потом Низамова немного подумала и решила поменять место встречи.

– Не, Васька, не в школьном саду... Я тебя около твоего подъезда ждать буду.

– Не жди, я все равно не выйду, – воспротивилась Ладова насилию над собой. Но не тут-то было: вошедшая в роль гуру Гулька спокойно проронила:

– Выйдешь... Как миленькая! А с тобой – весь подъезд. И знаешь почему?

– Почему? – Василисе стало интересно.

– Потому, что я буду орать. Вот так, – предупредила Низамова и заверещала что есть мочи: – А-а-а-а-а!

От истошного вопля подпрыгнула клевавшая носом в кухонном тепле абика и погрозила внучке кривым указательным пальцем: «Шайтан, кызым!»

– Я-то тут при чем? – как ни в чем не бывало заявила Гульназ. – Это она идти не хочет... Сколько можно уговаривать?

– Не надо меня уговаривать, – рассердилась Ладова и боком вышла из кухни. – Я домо-о-о-ой! – крикнула она Низамовым и начала обуваться.

– Ну и иди! – отказалась Гулька провожать подругу и осталась сидеть рядом с абикой.

«Обиделась!» – догадалась Василиса, но тоже пошла на принцип и мириться не предложила: просто аккуратно притворила за собой дверь низамовской квартиры.

Когда домашние обнаружили изменения, произошедшие во внешности дочери, за столом возникла продолжительная пауза.

– Ты проткнула уши? – задала глупый вопрос Галина Семеновна, а Василиса молча кивнула головой, качнув золотыми полумесяцами.

– Покажи, – на секунду заинтересовался Юрий Васильевич, а потом снова уткнулся в тарелку: на ужин были жареные караси. И есть их нужно было медленно, тщательно пережевывая рыбье мясо, чтобы, не дай бог, не пропустить кость, так и норовившую впиться в горло.

– Юра! – старшая Ладова жалобно посмотрела на Василису. – Юра! Ты видишь?

– Вижу, – буркнул Ладов, вытащил изо рта кость и, рассмотрев ее, аккуратно выложил на ободок тарелки.

– Васенька, – жалобно произнесла Галина Семеновна. – Ну почему ты не посоветовалась?

– Потому что было не с кем, – честно ответила Василиса. – Вас рядом не было. Да и потом я и сама не ожидала...

– Ну как же так? Не ожидала? – Никак не могла взять в толк Галина Семеновна. – Ты что, в одну секунду решила? Сидела-сидела и решила?

Ладова не рискнула посвятить родителей в перипетии своего сложного выбора и просто кивнула головой в знак согласия.

– И кто же это тебе сделал? – разволновалась Галина Семеновна, потому что больше всего на свете боялась инфекций, не подчиняющихся лечению. Соответственно, как только она предположила, что прокалывание происходило не в косметическом кабинете, воображение сразу же нарисовало ей грязные иглы, лежащие рядом на белом лотке, грязные руки и в перспективе – очередь в СПИД-центр.

– Дай догадаюсь, – промышчал с набитым ртом Юрий Васильевич, занятый поиском очередной косточки.

– Жуй лучше! – в сердцах прикрикнула на него жена и снова приступила к допросу, но уже с ласковой интонацией: – Скажи мне, пожалуйста...

– Мам, – простонала Василиса. – Ну что ты ко мне пристала? Ну что ты со мной как с инвалидом разговариваешь?! Ну, если злишься, так и скажи.

– Я не злюсь, – возмутилась Галина Семеновна.

– Ну как же не злишься! Я же вижу: на папу ты, главное, кричишь, а со мной – как с посторонней, очень вежливо.

Как будто наказываешь!

– Умница, Васька, – хмыкнул старший Ладов и с вызовом посмотрел на супругу: – Галь! Ну чего ты от нее хочешь? Ну, проколола и проколола! Давай серьги купим, а то ты посмотри, что у нее в ушах болтается! Стыд один.

– Ничё не стыд! – тут же вступилась за честь золотых полумесяцев Василиса и любовно коснулась их, как будто те придавали ей силы. – А покупать мне ничего не надо. Мне же Гулька серьги подарила. На шестнадцатилетие. Не помните, что ли?

– Я так и знала! – всплеснула руками Галина Семеновна и встала из-за стола: – Понятно, чья работа. Сама бы ты не догадалась! Надеюсь, ее мать продезинфицировала иголку?

– Простерилизовала, – подтвердила Василиса, умолчав про то, что экзекуция проводилась полуграмотной абижкой, а не знаменитым стоматологом Эльвирой Тимуровной Низамовой, к помощи которой, кстати, ее родители прибегали неоднократно.

«Все-таки молчание – золото!» – с облегчением подумала младшая Ладова, когда увидела, что при упоминании о тете Эле материнское лицо просветлело, а дыхание стало ровным. И все потому, что страх распространения инфекции отступил, и жизнь показалась гораздо лучше, чем пять минут назад.

– И все-таки серьги надо вернуть, – напомнил о себе

Юрий Васильевич, наконец-то закончивший ужинать. Татарские полумесяцы в ушах единственной дочери лишали его покоя. Не нравились они ему, хоть ты тресни. Напоминали, так сказать, о двухвековом монголо-татарском иге и неприятно теребили чуткую православную душу Ладова, хотя он и в церкви-то ни разу не был.

– Да верну я, верну, – заверила отца Василиса и с тоской подумала о том, что ей предстоит снова подвергать свои уши опасности. – Вот заживут чуть-чуть и вставлю свои.

– Надо золотые, – задумчиво произнесла Галина Семеновна и зажгла газовую колонку, чтобы вымыть посуду.

– А где я их возьму? – беззлобно поинтересовалась Василиса, абсолютно не претендующая на то, чтобы родители бросились в ювелирный магазин.

– Я возьму, – гордо объявила ее мать и величаво выплыла из кухни.

Пока ждали возвращения Галины Семеновны, дважды прозвенел телефон. И дважды ни Василиса, ни Юрий Васильевич не тронулись с места, словно договорившись не впускать в свой домашний мир никого из посторонних.

Когда телефон зазвонил в третий раз, отец и дочь поднялись одновременно. Но в прихожую заторопилась именно Василиса, нутром чувствовавшая, что звонят ей. Она даже знала кто.

– Васька! – заговорщицки зашелестела в трубке Низамова. – Я знаю, что делать!

Ладова промолчала.

– Ты чё? Разговаривать со мной не хочешь?! – возмутилась на том конце Гулька и по проводам к травмированному уху Василисы потекли импульсы неудовольствия.

– Хочу, – Василиса сознательно удерживала дистанцию, памятуя, что Низамова даже не удосужилась закрыть за ней дверь.

– Тогда говори, – приказала ей Гулька.

– А чего говорить? – замешкалась Ладова.

– Чего хочешь, то и говори, – приободрила ее Гульназ и приготовилась слушать.

– Вообще-то это ты мне звонишь, – напомнила подруге Василиса и почувствовала, как очередной импульс неудовольствия впился ей в ухо.

– Точно! – Интонация у Низамовой изменилась. – Я вот что звоню, – протянула она и перешла на шепот: – Ты там одна?

– Одна, – подтвердила Ладова.

– Тебе надо начать курить! – по слогам проговорила в трубке Гулька, а Василиса автоматически закрыла рукой нижнюю мембрану трубки.

– Зачем? – изумилась она, не отрывая руки.

– Чё? – грохнула Низамова возле уха. – Чё ты там говоришь? Говори в трубку!

– Зачем? – повторила свой вопрос Ладова, предусмотрительно сняв руку с мембраны.

– Когда курят, худеют, – сообщила ей Низамова. – Я точно знаю.

– Откуда?

– Какая разница? Главное – помогает!

– Я не буду курить, – прошептала Василиса и на всякий случай огляделась по сторонам.

– Будешь! – пообещала ей Гулька и повесила трубку.

Ладова еще пару секунд послушала приветливое пиканье и положила трубку на полочку в коридоре.

– Кто звонил? – полюбопытствовала Галина Семеновна, выглянув из-за двери в коридор.

– Гулька, – ответила Василиса и выдернула шнур из телефонной розетки, чтобы не вступать в контакт с подругой, чья активность увеличивалась с каждой минутой и грозила окончательно лишить Ладову спокойствия.

– Идешь куда-нибудь?

– Нет, – Василиса была предельно немногословна.

– Тогда иди сюда, – позвала ее мать и уселась на диван с таинственным видом.

Когда Василиса расположилась рядом, Галина Семеновна достала из кармана домашнего платья сизую картонную коробочку с обтертыми краями и протянула ее дочери.

– Что это? – вяло проговорила та, не выказав особого интереса.

– Открой – увидишь, – гордо произнесла старшая Ладова и впилась взглядом в коробочку.

Без особых усилий сняв крышку, она обнаружила под ней кусок желтоватой ваты с незначительными вкраплениями опилок. «Для гнезда тара явно маловата», – подумала Василиса и приподняла колючий комок. Под ним на дне располагались увесистые золотые серьги с рубинами. Василиса вздрогнула: нечто подобное она замечала в ушах матерых теток. Например, точно такие же она видела в ушах продавщицы из мясного отдела соседнего гастронома. «Только не это!» – расстроилась Ладова, понимая, что сейчас мать заставит ее это примерить.

– Красивые? – залюбовалась серьгами Галина Семеновна. – Мамино приданое. Где-то еще кольцо есть, тоже с рубином.

– Я не ношу кольца. – Василиса попыталась сразу же пресечь материнский энтузиазм.

– Восемнадцать будет – наденешь. Сейчас рано. Не по возрасту, – отметила старшая Ладова и достала серьги из коробочки. – Давай снимай свое безобразие. Фамильные надевать будем.

– Так это же тебе бабушка подарила, – попробовала улизнуть Василиса, но не тут-то было: Галина Семеновна решительно собралась изменить к лучшему внешний вид собственной дочери.

– Мама, – взмолилась девочка, – я в них как тетка буду!

– А в этих ты как кто? – резонно уточнила Галина Семеновна и по-своему была права. Золотые полумесяцы не так

уж и украшали ее дочь.

– Эти лучше. – Василиса категорически не хотела расстаться с Гулькиным имуществом.

– Чем это они лучше? – продолжала окучивать дочь Галина Семеновна. – Вон папу послушай... И потом – это свои, родные, бабушкины. Разве ты не хочешь сделать моей маме приятное?

Как можно было сделать приятное покойнице, Василиса не представляла и поэтому мысленно попросила почившую в бозе старуху, которой она, кстати, никогда не видела, заранее простить ее за отказ надеть это рубиновое сокровище.

Если бы это похожее на альбиноса создание обладало чуть большей твердостью по отношению к своему близкому кругу – родителям и Низамовой, жизнь его могла измениться бы в одно мгновение. Но для Василисы такой возможности не существовало: ее преданность им была всепоглощающей. Означило ли это, что Ладова не имела собственного голоса? Не умела говорить «нет»? Не принимала серьезных решений? Не умела постоять за себя? Отнюдь! Но когда дело касалось ее близких, боязнь обидеть делала Василису безвольной и заставляла вместо «нет» говорить «да».

Вот и сейчас, сидя рядом с матерью на выдавшем виде диване, она неуклюжим паромом металась между двумя берегами трудного выбора: надевать – не надевать.

– Мама, – сделала еще одну попытку измученная внутренним разладом Ладова. – Давай завтра. У меня еще уши

не зажили.

– А завтра твои уши заживут, – саркастично заявила Галина Семеновна и позвала мужа: – Юра! У тебя водка есть?

– Галя... – потер затылок Юрий Васильевич, – откуда?

– Как, Юра, откуда? Я ж оставляла!

– Нет, Галь, я не видел, – заявил Ладов, предположив: – Ты, может, на компресс извела?

– Знаю я твой компресс! – махнула рукой жена и задала очередное задание: – Одеколон давай.

– Одеколон – пожалуйста, – обрадовался Юрий Васильевич и бросился в ванную.

– Мама, – напомнила о себе Василиса. – Ты как будто меня не слышишь...

– Я... тебя, Васька, слышу, – моментально отреагировала Галина Семеновна. – А вот ты меня нет. Серьги чужие – надо отдать.

– Серьги не чужие, – воспротивилась Василиса. – Серьги Гулькины.

– Вот именно, что Гулькины! Да еще и татарские. И вообще, как я буду в глаза Эльвире Тимуровне глядеть? Мы что с твоим отцом нищие, золотые серьги не можем дочери купить? Можем! – воскликнула Галина Семеновна и подвинулась к дочери, протянув руку за одеколоном.

Юрий Васильевич с готовностью открутил крышку и подал жене. Парфюм был французский или почти французский, просто из Польши.

– Не жалко? – Василиса попыталась на секунду отсрочить страшный момент.

– Для тебя, дочь, – серьезно произнес Ладов, – нам с матерью ничего не жалко.

«Вот и плохо!» – проворчала про себя Василиса и вымученно улыбнулась отцу.

– Снимай, Васька, – приказала мать и показала дочери щедро облитую одеколоном серьгу из заветной коробочки.

– Я не умею, – вывернулась та.

– Э-эх, а туда же! – укоризненно посмотрела на дочь Галина Семеновна и храбро взялась за золотую дужку.

Василиса ойкнула, и руки у старшей Ладовой предательски затряслись.

– Больно? – побледнела она.

– Больно, – подтвердила дочь, наивно полагая, что сейчас мать отступится, махнет рукой и отложит все манипуляции на неопределенное время, а там, глядишь, и про рубиновые серьги забудется, и уши заживут, и можно будет вставлять все, что заблагорассудится. Но, заметив, как изменилась в лице Галина Семеновна, младшая Ладова тут же преисполнилась к ней невыносимой жалости и предложила:

– Давай я сама.

Напуганная мамаша возражать не стала и быстро-быстро закачала головой в знак согласия. И Василиса, переступившая через собственное сопротивление, мужественно вытащила из левого уха Гулькин золотой полумесяц и протянула

руку за фамильным сокровищем. Вот здесь и началось самое неприятное: оказалось, что вытаскивать гораздо проще, чем вставлять. Во-первых, само движение напоминало прокол. Во-вторых, мочка распухла. И в-третьих, младшая Ладова, как и всякий нормальный человек, в отличие от Низамовой, просто боялась боли.

Родители застыли над Василисой, как молодожены в загсе.

– Больно? – то и дело спрашивала Галина Семеновна у дочери и бросала красноречивые взгляды на побледневшего от напряжения мужа.

– Нормально, – успокаивала родителей Василиса и, зажав губу, снова и снова пыталась вставить сверкавшую рубином бабкину серьгу в измочаленное ухо. И когда это произошло, из родительской груди вырвался вздох облегчения и это при условии, что Василисина мочка увеличилась ровно вдвое.

– Теперь вторая, – прошептал Юрий Васильевич и приготовился к очередному этапу дезинфекции.

– Может, не будем? – неожиданно сдала свои позиции Галина Семеновна, и ее лицо скривила страдальческая улыбка.

«А как же?» – хотел спросить Ладов, но вместо этого промычал что-то нечленораздельное, кивая в сторону дочери. И как это ни странно, жена его поняла и даже ответила на непрозвучавший вопрос:

– Ну и что, что разные? Кому это мешает? Даже экстравагантно: в одном ухе – одна сережка, в другом – другая. По-

думают, что это последний писк моды.

С «последним писком моды» Василиса не согласилась и легко вытащила золотой полумесяц из правого уха.

– Давай, – протянула она руку за рубиновым кошмаром и приготовилась к новой серии драматического сериала «Как стать красивой».

Со второй серьгой Василиса справилась гораздо быстрее, точным движением вставив ее в ухо.

– Слава богу! – в один голос воскликнули старшие Ладовы и начали обнимать друг друга.

«Совсем спятили!» – подумала Василиса и встала с дивана.

– Вы чего?

– Да ничего, Васька, – подскочила к ней Галина Семеновна и стала обнимать дочь с таким энтузиазмом, как будто не видела ее последние лет десять.

– Ма-а-ам, – попробовала высвободиться из материнских объятий Василиса, но вместо этого оказалась в еще более плотных тисках. Видя эту кучу-малу, обычно выдержанный Юрий Васильевич Ладов не справился с нахлынувшими эмоциями и сгреб в охапку свое женское царство.

«Три медведя», – промелькнуло в голове у Василисы, но она смирилась с отсутствием кислорода и послушно замерла, не мешая родителям наслаждаться жизнью. А что? Их чувства ей были понятны: вот они все вместе, в обнимку, довольны и счастливы... И никого, на самом деле, не волну-

ет, что сама Василиса предпочла бы оказаться в других объ-
ятиях. Но судьба не торопилась исполнять обещанное и тер-
пеливо готовила Василису Юрьевну Ладову к главной встре-
че ее жизни.

Именно об этом она подумала без пятнадцати шесть, ко-
гда затрещал будильник. Не встать было нельзя, потому что
ровно через пятнадцать минут ее все равно разбудило бы
громкое Гулькино приветствие.

То, что Низамова явится, Ладова знала наверняка. И ма-
ло того, что явится, еще и полдома перебудит. Хотя что это
за время, шесть часов утра? Добрая половина соседей навер-
няка уже на ногах!

Большая стрелка будильника неумолимо двигалась к две-
надцати – Василиса вздохнула и решила не умыться, боясь,
что свою сирену Низамова включит как раз в тот момент,
когда она будет в ванной. И тогда все человечество узнает
о предстоящей пробежке и терпеливо будет ждать, высунув-
шись из окон, чтобы рассмотреть ее, Василисины, жирные
ноги, обтянутые красным трико.

– Идешь? – встретила ее Гулька, как и обещала, пряме-
хонько около подъезда.

– Иду, – буркнула Василиса, попутно отметив для себя,
что на груди у Низамовой на цепочке висел хромированный
свисток, ярко поблескивающий в лучах апрельского солн-
ца. – Это зачем?

– Это? – Низамова прижала подбородок к груди, чтобы рассмотреть висевшее на ней спортивное снаряжение. – Это, Васька, для того, чтобы давать команды, – объяснила она и резко дунула в свисток: – На старт! Внимание! Марш!

– Слушай, – взмолилась Василиса и остановилась у тропки, ведущей к школьному стадиону. – Давай сюда не пойдем. Давай пойдем на твой.

– На мой?! – удивилась Гулька, жившая в двух кварталах ходьбы от ладовского дома. – А чё? Поближе нельзя?

– Нельзя, – грустно выдохнула Василиса, и Низамовой стало ее так жалко, так жалко, что она забежала вперед, резко обернулась и крепко обняла свою белоснежную толстуху, уткнувшись в уютный и теплый живот, втиснутый сначала в свитер, а потом в красную олимпийку.

– Васька! – Гулька чуть не заплакала и заискивающе посмотрела на подругу: – А может, ну ее эту физкультуру? Может, лучше курить начнешь?

Ладова опешила: столько мучений, проглоченных обид и все ради того, чтобы твоя близкая и единственная «подруга на всю жизнь» вдруг добровольно взяла и отказалась от намеченных планов, от спасения утопающего без участия самого утопающего?!

– Ты что? – Она аккуратно отстранила Гульну. – Не веришь, что я смогу?

– Верю, – подпрыгнула Гулька, но уже через секунду выпалила: – То есть нет, конечно.

– Я смогу! – проревела Ладова и побежала трусцой. Низамова пристроилась рядом. Спустя десять минут стало ясно, что самая длинная дистанция, которую сегодня осилит Ладова, не превысит и двухсот метров.

– Васька! – Гулька бежала легко, это было видно по ее дыханию. – Ты потерпи! Скоро откроется второе дыхание! – пообещала Низамова, но тут же заткнулась под красноречивым взглядом Василисы. Это был взгляд человека, приговоренного к смертной казни, но при этом всерьез обеспокоенного тем, как принять смерть и сохранить при этом человеческое достоинство.

Щеки Ладовой зажили отдельной от своей хозяйки жизнью: при беге они умудрялись сотрясаться с такой частотой, что со стороны могло показаться – сквозь них пропустили электрический ток.

– Васька, – заскулила Низамова и забежала вперед. – Ну правда хватит. Чё так мучится?!

Но Ладова молча сжимала кулаки и продолжала, как ей казалось, нестись вперед. На самом же деле ее бег напоминал танец слона на арене цирка. Другое дело, что слон танцевал весело, вызывая улыбку у зрителей, а Василиса являла собой зрелище столь печальное, что Низамова не придумала ничего другого, как, отбежав метров на десять вперед, лечь на асфальт, чтобы прекратить поступательное движение Василисы к намеченной цели.

– Не пушу! – заорала Гулька и одновременно подняла

вверх и руки, и ноги, став похожей на перевернутую букву «П».

– Куда ты денешься? – проворчала огнедышащая Ладова и, обежав подругу, двинулась дальше.

Тогда Низамова оглушительно засвистела, напугав не только Василису, но и проходивших мимо женщин. Издалека Ладовой было видно, как над Гулькой склонилось несколько прохожих, видимо, уговаривая ту встать с земли. Но Низамова не собиралась этого делать ни при каких обстоятельствах. Так, лежа на асфальте, она, судя по всему, умудрилась рассказать любознательным гражданам, чем вызван этот ее акт протеста. Во всяком случае, Василиса только так могла объяснить, почему незнакомые ей люди призывно выкрикивают ее имя и приветливо машут рукой, показывая, что надо вернуться.

Перед Василисой встал выбор: бежать дальше или вернуться. Немного подумав, Ладова с облегчением выбрала второй, обосновав выбор тем, что иначе «эта дура Низамова в хлам простудит свои нежные почки».

– Идет! – загудела окружившая Гульку стайка собравшихся и с любопытством уставилась на девушку с растрепавшейся косой и свесившимися на пунцовое от бега лицо белыми прядями.

– Альбиноска! – догадался словоохотливый дядечка и показал пальцем на Василису.

– Сам ты альбиноска! – тут же выпалила Низамова и вско-

чила с земли: – Всем – спасибо, все свободны, всем – до свидания.

Такого поворота страждущие не ожидали, в легком Гулькином прощании с ними прозвучала черная неблагодарность: а ведь они тратили свое время, душевные силы и, если угодно, физические в том числе.

– Такая молодая, а такая наглая. – Женской половине зрителей не понравилось это Гулькино «Всем – спасибо, всем – до свидания».

– Наглость, женщины, второе счастье, – буркнула Низамова и рванула навстречу Ладовой: – Вась, – заискивающе поинтересовалась она у подруги. – Все? Идем домой?

– Тебе в другую сторону, – отбрила ее Василиса и, тяжело ступая в своих доисторических кроссовках, двинулась в сторону дома.

Гулька почувствовала себя виноватой. Но, видит бог, она так старалась, так старалась: встала ни свет ни заря, приперлась за два квартала к Васькиному дому, мерзла, как цуцик, апрель – это вам не май. А все для чего? Да чтобы этой толстой дурище помочь. Ну, не рассчитала, ну, бывает. Кто не ошибается? Чего ж сразу так: «Тебе в другую сторону!»

– Мне не в другую! – возмутилась Низамова, разобиделась и, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошла домой.

Василиса даже не сразу поняла, что прошла половину пути в гордом одиночестве. Обнаружив пропажу, Ладова вста-

ла и долго смотрела вдаль, пытаясь обнаружить там следы словно испарившейся в воздухе Низамовой. «А ведь она как лучше хотела», – призналась себе Василиса, и ей стало неудобно: хоть беги и извиняйся. Настроение испортилось окончательно. Причем чем ближе она подходила к дому, тем хуже оно становилось.

Навстречу Ладовой двигались соседи, родители одноклассников, знакомые знакомых. И у каждого на лице Василиса читала искреннее изумление. И оно ей было понятно: слон в спортивном костюме красного цвета – то еще видение.

Тогда Ладова нарочно опускала голову вниз, как только на горизонте видела знакомые очертания, и изображала глубокую задумчивость. Но людям хотелось с утра жить по правилам, быть хорошими, поэтому они радостно улыбались ей и старательно выпевали: «Здравствуй, Василиса! Следишь за фигурой? Взялась за себя?»

Это был ужас: жизнь раскололась на две части. И водоразделом между ними выступало сегодняшнее утро, когда благодаря дурацким стараниям Низамовой ни о чем не подозревающая Ладова узнала, что ее полнота колет глаза стройному человечеству. А ведь еще вчера ее саму все устраивало, потому что она привыкла к себе такой – белой и рыхлой. Василисе стало стыдно: она кляла себя за собственное прекраснодушие, за любовь к сладкому, жирному, соленому, за нелюбовь к спорту... После таких открытий хотелось либо свести счеты с жизнью, либо съесть чего-нибудь эдакого,

что хотя бы на минутку способно облегчить тягостное существование в миру.

«По большому счету, – успокоила себя Ладова, – лишний вес – это дело наживное. Есть ведь не только сложение, но и вычитание, даже деление. Сяду на диету. Перестану есть сладкое, откажусь от хлеба. Запишусь в бассейн. Когда похудею».

В общем, Василиса выбрала жизнь и в радостном предвкушении озаботилась тем,

«ЧТО ЖЕ У НАС НА ЗАВТРАК».

Проведя ревизию, Ладова обнаружила, что меню не вполне соответствует тем принципам, которые должны стать базовыми в ее питании. На столе стояла тарелка, полная истекающих маслом оладий. По соседству с нею – две розетки: мед, варенье на выбор. В плетеной корзинке сиротливо торчали две вафли с лимонной начинкой и рядом с ними в узбекской пиале с отколотым краем белели овальным бочком два сваренных вкрутую яйца.

Голодная из-за перенесенных страданий Василиса воротовато оглянулась на часы – было начало девятого, – присела на табуретку и съела все. Раскаяние наступило сразу же, как только Ладова отправила в рот щедро вымазанный в варенье оладушек.

«Так дело пойдет!» – попробовала подшутить над собой Василиса и решила в школу не ходить. «Русский, две геометрии, физика и физкультура», – на память перечислила она расписание сегодняшнего дня и попыталась вспомнить, что задали. Это заняло у нее еще минут десять, потом Ладова обнаружила, что до сих пор сидит в спортивном костюме, снова посмотрела на часы, поняла, что первый урок закончится через пятнадцать минут, и с облегчением объявила себе выходной.

Подобными вещами Василиса никогда не злоупотребляла, хотя, безусловно, позволяла себе периодически прогуливать занятия, отсиживаясь то у Низамовой дома, то вместе с ней у себя. Из-за того, что подобная практика не была порочной, до родителей Ладовой никаких вестей из школы не долетало, учителя спали спокойно, и процесс образования шел своим чередом, иногда прерываясь неким зигзагом вольнолюбия. Он, кстати, всегда проходил незамеченным, потому что ни одна живая душа из Василисиных одноклассников никогда не задавалась вопросом: «А где сегодня обретается наша пухлая Ладова?» Как это ни странно, но ее отсутствия в классе практически никто не замечал. Ну, может быть, за исключением Тюрина и общественницы Юльки Хазовой, понимавшей, что Василисы нет, по следующему признаку: значительно улучшался обзор доски – обычно ее половина была закрыта широкой спиной, перерезанной толстым белым канатом косы.

Удивительно, но самая крупная по своим габаритам девочка 9 «Б» с редкой внешностью симпатичного альбиноса, в целом дружелюбная, спокойная и покладистая, никогда не пользовалась особой любовью класса. И к такому положению дел Василиса привыкла давно, и приняла его как данность, и спокойно жила, сохраняя со всеми ровные и ни к чему не обязывающие отношения. Наличие Низамовой легко заменяло ей все двадцать восемь человек одноклассников, придавая ее существованию весомую полноценность.

И так продолжалось ровно до двадцать шестого апреля, вошедшего в историю Василисиной жизни как день открытия новой Вселенной.

Ее старая, привычная, радовала своей неизменностью. Всего четыре планеты: мама, папа, Низамова и она сама собственной персоной, а рядом – вечный «спутник» из числа тех, что носят майки с надписью «Спартак». Одним словом, ничего лишнего.

Василиса, конечно, догадывалась, что где-то рядом существуют параллельные миры, но дух первооткрывательства был чужд ее натуре так же, как был чужд низамовский бабке русский язык. А вот Гулька, в отличие от абики, легко открывала двери незнакомцам, невзирая на предупреждения. С такой же легкостью Низамова взялась и за дверную ручку женской раздевалки чужой школы и была изрядно возмущена тем, что никто не смог дать ей внятного ответа на вопрос,

где в данный момент находится ее подруга – Василиса Ладова.

После затянувшегося молчания Гулька дерзко обвела взглядом присутствовавших девочек и безошибочно направилась в сторону Хазовой, которую узнала по описаниям подруги: «Такая же маленькая и худая, как ты. Только челка на пол-лица и русая».

Они и вправду оказались похожи: одного примерно роста, с одинаково дерзким взглядом и гордой посадкой головы.

– Ты Хазова? – не церемонясь, спросила Низамова.

– Ну... я, – выдержав паузу, ответила Юлька.

– Поговорить надо, – склонила голову к плечу Гулька и показала глазами: – Отойдем?

– Ну, давай, отойдем, – бесстрашно ответила Хазова, хотя внутри неприятно екнуло.

– Ладова где? – Низамова переваливалась с пятки на носок, манерно скрестив руки на груди.

Юлька по наитию приняла подобную же позу и хамовато ответила:

– Откуда я знаю?!

– Во, блин, дела, – пробурчала себе под нос Гулька и разжала руки: – А кто знает?

– А чё случилось-то? – любопытствовала Хазова и уставилась на свою визави.

И неизвестно почему гордячка Низамова преисполнилась доверия к этой, как она сказала позже, «драной пигалице»,

и, присев на низкую выкрашенную голубой краской скамеечку, рассказала ей «все-все», в том числе и про сегодняшнее утро.

Рассказ незнакомки произвел на Юльку неизгладимое впечатление: от волнения она даже кроссовки перешнуровала. Теперь судьба Ладовой не давала ей покоя.

– А телефон у нее есть? – уставившись перед собой в одну точку, поинтересовалась Хазова.

Низамова скривилась и, повернув голову к Юльке, прошипела:

– Это чё ж вы за люди, блин! Девять лет учитесь в одном классе и ничего друг о друге не знаете: у кого есть телефон, у кого нет телефона. Ау! – Гулька хлопнула Хазову по коленке: – Девочка!

– Слышишь, ты, – Юлька тоже была не лыком шита, – ты на меня не наезжай! Это не я, между прочим, Ладову-то ищу!

– Ладно, – прикусила язык Низамова и опустила голову.

– Вот то-то и оно, – довольно хмыкнула Хазова, а наблюдавшая со стороны за этой странной беседой Ленка Наумова подала голос из другого угла раздевалки:

– Юльк, – окликнула она одноклассницу. – У тебя там чё, проблемы?

Уж кто-кто, а Наумова знала, как поступать в подобных ситуациях. Не зря она выросла в знаменитом «квартале греко-римской братвы».

– Нет у меня никаких проблем, – отмахнулась от нее Хазова и повернулась к присмиревшей на чужой территории Гульке.

– А чё тогда? – Наумова в два шага пересекла раздевалку и нависла над Низамовой мраморной кариатидой.

– Чё надо? – разозлилась Гулька и дерзко уставилась на висевшую над ней девицу.

– Ничё, – слишком быстро для своего гигантского по сравнению с остальными роста спасовала Наумова и сделала страшные глаза Хазовой: «Мол, если что, дай знать, живой эту не выпустим. Всю общественность подключим».

– Ленка, – тихо проговорила одноклассница: – Никому не скажешь?

Ленка старательно замотала головой, всем своим видом показывая, что готова служить не за страх, а за совесть.

– Ладова пропала, – тихо сообщила Хазова и опустила голову.

И хотя Василисы пока еще не было в школе всего один день, и никто не объявил ее во всероссийский розыск, прозвучало это так, что у Наумовой возникло чувство безвозвратной потери. И ей стало по-человечески жалко эту бесполезную, в сущности, Ладову, и ее родителей, и себя заодно, потому что на районе скажут: «Вон Ленка идет. У нее в классе девочка пропала». Дальше воображение Наумовой нарисовало человека в милицейской форме, и даже не одного, а двух – хорошо известного их семье участкового и, мо-

жет быть, следователя по особо важным делам, на счету которого не одно раскрытое дело. «Лена, – скажут они, – помоги следствию. Вспомни, когда в последний раз ты видела свою одноклассницу Василису Ладову?» И Наумова сосредоточится, и подумает, и так им и скажет: «Вчера!»

– Ленка, – Хазова не выдержала затянувшегося молчания. – Ты чё, не слышишь меня?

– Слышу, – сдавленным голосом ответила Наумова и села чуть поодаль от девочек, рискуя перевернуть скамейку.

– Значит, делаем так, – Хазова вмиг стала серьезной. – Сначала – звоним. Потом, если не берет трубку, идем.

– А если ее и дома нет? – предположила Ленка.

– А где же она тогда?! – в один голос воскликнули странно похожие друг на друга Хазова и Низамова.

– Где-где... – печально протянула та. – Может, уж и нет ее на свете...

– Ты чё?! Дура?! – не сговариваясь, завопили девчонки, после чего все, не успевшие переодеться, как по команде усталились на эту загадочную троицу.

– А что? – начала оправдываться Ленка. – У нас в прошлом году маньяк объявился. Так меня мамка одну никуда не пускала. Всегда – с братьями.

– Ну... с твоими братьями можно, – понимающе пробурчала Юлька и резко встала. – Давай номер. Пойду в учительскую позвоню. Скажу, домой срочно надо.

Пока Хазова набирала ладовский номер, Низамова с Нау-

мовой подпирали стену в узком коридоре возле учительской.

– Тебя как звать-то? – Ленка довольно дружелюбно попыталась поддержать светскую беседу.

– Гульназ, – отрывисто сообщила ей Низамова, прислушиваясь к каждому шороху, доносившемуся из учительской.

– А живешь где? – спросила Наумова и снова получила односложный ответ:

– На Песках.

– Так это ж далеко! – искренне удивилась одноклассница Василисы, а Гулька взмолилась:

– Слушай, как там тебя...

– Лена, – подсказала Наумова.

– Лена... Ты можешь помолчать?

– Могу, – обиделась Наумова и перешла к противоположной стене как раз в тот самый момент, когда Хазова кого-то поблагодарила в учительской, а Низамовой показалось, что это Юлька говорит по телефону. И Гулька чуть было не подпрыгнула от радости, потому что поговорить по Василисиному номеру можно было только с Василисой. А это значит, что ровно через десять минут, оставив здесь эту надоедливую компанию, она уже будет настойчиво звонить в Васькину дверь... А когда та откроет, то она просто повиснет на своей Ладовой, как обезьяна на пальме, и все пройдет, забудется, и дружба снова потечет своим чередом, как раньше. Правда, теперь, поклялась себе Низамова, она никогда, вот точно никогда, не будет заставлять Ладову ни бегать, ни прыгать,

ни краситься, ни завиваться, ни худеть, если та сама этого не захочет...

– Нету, – объявила Хазова и тут же добавила: – Надо идти.

– Пошли тогда! – скомандовала Низамова и направилась по коридору к лестнице с таким видом, как будто в этой школе ей был знаком каждый уголок.

У дверей их перехватили два бравых молодых человека: юркий Вихарев и раздраженный Тюрин.

– Юлька! – возмутился ее подшефный. – Сколько можно? – От Вихарева за версту несло куревом. – Ты чё там? Уснула, что ли?

– Не ори, – приказала ему Хазова. – У нас Ладова пропала.

– Ну и хрен с ней, – сгоряча ляпнул Вихарев и тут же обжегся: на него в упор смотрели две пары возмущенных глаз. Причем одна ему была хорошо знакома, а вторую он видел впервые.

– Это кто? – поинтересовалась у Юльки Низамова.

– Это Серый.

– И что с того? – Гульназ явно не удовлетворило объяснение Хазовой. Мало ли их Серых вокруг бегают! Каждого, что ли, с собой брать?!

– Это наш человек, – пустила в ход безотказный аргумент Юлька.

– А это, – Низамова кивнула в сторону Тюрина, – тоже наш человек?

– Это с Ленкой, – пояснила Хазова, как будто Ленка была

для ладовской подружки авторитетом.

– Короче, – Юлька провела экспресс-совещание прямо у крыльца школы. – Это... – она показала рукой на Низамову.

– Гульназ, – подсказала ей Наумова.

– Гульназ, – завершила начатую фразу Хазова.

– Кто? – расплылся в улыбке Вихарев. – Горгаз?

– Молчи, дурак, – бесцеремонно оборвала его Юлька, – за умного сойдешь. Она с нашей Ладовой дружит.

– С Периной? – снова встрял Вихарев, и Хазова, недолго думая, пнула его по лодыжке.

– В общем, Василису надо найти.

– А чего ее искать-то? – Тюрин на шаг придвинулся к заговорщикам, не переставая украдкой рассматривать Низамову. «Косая на левый глаз Шамаханская царица!» – подумал Илья и перевел взгляд на сосредоточенную Наумову, возвышающуюся над ними почти на две головы.

– Ну не знаю, – вдруг осмелела Ленка и, воодушевленная доверием общественности и близостью Тюрина, вновь мрачно предположила: – Вдруг ее уже и в живых-то нету.

– Здравсте-пожалуйста! – всплеснула руками Юлька. – Ты сейчас договоришься, Наумова.

– Ладно! – Низамовой надоела вся эта таинственность. И ее не на шутку стала раздражать Хазова, почему-то возмнившая себя главной в поисках без вести пропавшей Ладовой. – Раздули из мухи слона. Всем спасибо – я пошла.

– Куда? – заволновалась Наумова.

– Куда надо, туда и пошла, – огрызнулась Гулька, проклиная себя за неожиданно возникшую симпатию к этой не понятно что возомнившей о себе Хазовой, о которой она еще вчера и знать-то ничего не хотела, владея Ладовой полностью и единолично, не желая делить ее ни с кем. И вот на тебе – пожалуйста, сразу четверо. Девять лет им не было никакого дела до ее подруги, а теперь шагу ступить нельзя.

– Слушай, Гуля. – Юлька попыталась поговорить с новой знакомой спокойно. – Ну, нам же тоже не все равно.

– Чо-о-о?! – возмутилась Низамова. – Девять лет было все равно, а теперь не все равно? Да если б я сегодня к вам в школу не заявила, вы бы и через год не обнаружили, что пропал человек!

– Ну, предположим, это не так, – кашлянул в кулак Тюрин и сделал шаг к Хазовой.

– Да ты вообще помалкивай! – рывкнула на него Низамова. – Тебе-то что надо?

– Слышь, ты, – грозно двинулся на Гульку Вихарев, готовый разорвать каждого, кто проявит хоть толику неуважения в адрес Юльки. – Ты чё разоралась-то? Я не понял! Да кому твоя Перина нужна?!

– Мне нужна... – неожиданно строго сказала Хазова, и все разом замолчали. – Она права, – Юлька кивком головы указала на разбушевавшуюся Низамову. – Девять лет! Ладова девять лет сидит передо мной на первой парте, а я ее рас-

смотрела-то только вчера, может быть, когда ее Ежика пресовала.

– Ну и чё? – растерялся Вихарев.

– Ну и то. Нехорошо это, – погрустнела Хазова, от природы наделенная чувством справедливости.

– Да меня сейчас вырвет, – прошипела Низамова. – Эти ваши сопли-слюни: вот Ладова сидела, вот мы на Ладову не обращали внимания, вот надо Ладовой помочь... Не надо! Не надо Ладовой помогать. И любить Ладову не надо! Обойдется без вас Ладова! – выкрикнула Гулька и смело двинулась на вытянувшихся перед ней Василисиных одноклассников. – А ну, дайте пройти, – бросила она, и те послушно расступились.

– Смотри, как чешет, – отметил Вихарев и залиvisto зашвистел Низамовой вслед.

– Заткнись, придурок! – заорала Юлька. – Я тоже пойду.

– Давай! – наконец-то разозлился Вихарев. – Иди! Ска-тертью дорога!

– А мы? – робко уточнила у Тюрина дылда Наумова.

– Ну а чего мы будем от коллектива отрываться? – с ехидной улыбочкой ответил Тюрин и двинулся за Хазовой с таким выражением лица, как будто ничего более неприятного и быть не может.

На самом деле сердце индивидуалиста Тюрина начало подпрыгивать в груди, как только он услышал о том, что пропала Ладова. Но Илья ничем не выдал своего волнения, всем

своим видом показывая, что ему на самом деле абсолютно все равно.

– Э! Илюха! – растерялся Вихарев. – Ты тоже с ними?

– Мы тоже, – ответила за Тюрина Наумова и двинулась за Ильей, как евреи за Моисеем.

– Ну и идите вы все! – прокричал им Вихарев вслед, но через мгновение бросился за одноклассниками.

Так они и шли, затылок в затылок, не осмеливаясь сократить дистанцию между собой и целеустремленно шагнувшей к ладовскому дому Гулькой, о чем та, кстати, не подозревала, потому что не имела привычки оглядываться. Если уж Низамова с кем-нибудь ссорилась, она уходила с гордо поднятой головой, решительно и глядя исключительно вперед.

Каково же было ее изумление, когда возле самого Василисиного подъезда ее догнали эти четверо, запыхавшиеся так, как будто преодолели многокилометровую дистанцию.

– Чё надо? – зашипела на них Гулька.

– Ничё, – ответила ей Хазова и тряхнула головой, чтобы сдвинуть челку с глаз. – Мы тоже идем.

– Да кто вас звал-то? – делано засмеялась Низамова.

– Никто, – Юлька не собиралась сдаваться.

– А может, ее и дома нет, – печально предположила Наумова, замирая в предвкушении трагического конца.

– Сейчас узнаем, – в один голос воскликнули Гулька и Хазова и ринулись бегом на третий этаж, перескакивая через две ступеньки.

Последним поднялся Тюрин. И представшее его взору запомнилось Илье на всю жизнь: в дверях стояла заспанная Василиса и с недоумением смотрела на столпившихся перед ее квартирой одноклассников во главе с Низамовой.

Ладова протерла глаза и залилась краской: впервые в жизни она не знала, что делать. Поэтому, не догадываясь пригласить гостей в квартиру, глупо поинтересовалась:

– А что случилось?

– Да ничего собственно, – пожалала плечами Гулька и смело перешагнула через порог. За ней это сделала Хазова и только Ленка Наумова, занеся ногу, сообщила:

– Мы думали, тебя убили...

Вот так 26 апреля 1993 года в три часа пополудни Василиса воскресла. Причем в новом качестве и в новой реальности. Произошедший на ее глазах парад планет вызвал к жизни необратимые изменения. Настолько необратимые, что своя в доску Низамова забилась в угол дивана и с подозрением смотрела на каждого, кто покушался на прежде только ей принадлежавшее сердце Ладовой.

От зависти Гулька раздулась, как кошка перед родами. А Василиса, будто нарочно, суежилась как заведенная. И все не по делу, и все не с теми, обходя разом окосевшую от злости Низамову. Все правильно, она-то своя. А что делать с этими заморскими гостями?!

– Хотите чаю? – предложила растерянная Василиса,

не зная, чем занять паузу.

– А пожрать у тебя ничего нет? – по-простецки поинтересовался Вихарев, привыкший формулировать точно, чтобы не было никаких разночтений.

– Я не голоден, – тут же заявил Тюрин, напугавшийся, что вот сейчас и его усадят за ладовский стол и заставят есть, не дай бог, какие-нибудь котлеты. А это так пошло! И так не соответствует моменту.

– Ты, Илюха, может, и не голоден, – быстро вернул разговор в прежнее русло Вихарев, напуганный тем, что сейчас от еды откажутся все и он останется без обеда. – А мне...

– А тебе надо есть меньше. Все равно не в коня корм, – уничижительным взглядом смирила его Низамова и хотела еще добавить: «Как лилипута не корми, он все равно вверх не растет», но удержалась, потому что почувствовала на себе просительный взгляд Василисы, отчего пришла в еще большее раздражение.

– На себя посмотри, – не остался в долгу Вихарев и назначил Гульку своим врагом. – Уселась тут, как дома. Могла бы Перине помочь.

– Не Перине, а Василисе, – демонстративно исправила его Хазова.

Ей, похоже, нравилось строить из себя великосветскую особу: говорила она нарочито вежливо, чуть ли не на «вы» и всячески старалась следовать правилам поведения в гостях. Это настолько не вязалось с привычной всем Юль-

кой, что даже Наумова утратила спокойствие и периодически бросала вопрошающие взгляды на сведущего во всех вопросах Тюрина. «Прикидывается!» – коротко объяснил Илья Ленке, и та успокоилась, тут же утратив интерес к Хазовой.

«Посмотрим, насколько тебя хватит», – мысленно пригрозила Юльке Низамова и юркнула на правах ближайшей подруги на кухню.

– У тебя даже хлеба нет, – выкрикнула она, предварительно заглянув в хлебницу.

Признаваться в том, что еще два часа тому назад там мирно покоились две городские булки, позже любовно разрезанные на кусочки, каждый из которых был обильно смазан сливочным маслом и щедро полит вареньем, Василиса не стала. Да и никто не спрашивал, потому что в процесс снова вмешалась Хазова и приказала своему верному Санчо Панса сходить за хлебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.